

Алиса Лаврова

ИЗМЕНА

отбор для
Предателя

Алиса Лаврова

Измена. Отбор для предателя

<https://litres.ru/74308877>

Аннотация

—... Но ведь бывали случаи, когда две девочки рождались подряд... — встревает смущенный распорядитель. — Трижды за сотни лет! Я уверен, Элис изменила мне. Приберите тут все, и отмойте, — говорит Ивар жестко, — чтобы духу их тут не было к рассвету. Дочерей отправьте в замок моей матери. От его жестоких слов все внутри обрывается и сердце сдавливает тяжелейшая боль. — А что с вашей женой? — дрожащим голосом спрашивает распорядитель. — Она не жена мне более, — жестко отрезает Ивар, — обрейте наголо и отправьте к монашкам в горный приют. И чтобы без шума. Для всех она умерла родами. — Ивар, постой, — рыдаю я, с трудом поднимаясь с кровати, — неужели ты разлюбил меня? Ты же знаешь, что я ни в чем не виновата. — Жена должна давать сыновей, — говорит он со сталью в голосе. — Я отберу другую.

Содержание

1	4
2	9
3	17
4	21
5	26
6	31
7	36
8	41
9	47
10	52
11	58
12	63
13	69
14	73
15	79
16	86
17	90
18	96
19	102
20	108
21	113
22	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

— Что это такое? — слышу я холодный голос мужа сквозь громкий крик новорожденной. — Этого не должно быть.

— Это твоя дочь, — говорю я со счастливой улыбкой, — правда она чудесная, Ивар? Только посмотри на ее глазки, они такие же голубые, как у тебя, — говорю я в изнеможении, лежа на кровати после родов.

Вопреки уверениям повитухи, вторые роды прошли гораздо тяжелее первых. Я уже начала замечать тревожные взгляды слуг, суетившихся вокруг.

Доктор, который явился спустя несколько часов только покачал головой и сказал, что теперь все решат только боги.

Но в конце концов все кончилось благополучно. Мне, совершенно изнеможенной, но счастливой, дали подержать новорожденного... Мне было все равно, девочка это, или мальчик, я была счастлива, держа на руках наше долгожданное дитя. Мне только хотелось, чтобы Ивар поскорее ее увидел.

Ничего, что это девочка, ничего, он поймет, он полюбит ее так же, как нашу первую дочь Лили.

Ивар бросает на меня странный взгляд, в котором мне мерещится разочарование. Чего только не покажется в неверном свете свечей.

— Снова дочь? — спрашивает муж раздраженно. — Ре-

бенок не может быть моим. Я ждал наследника.

Он безразлично передает кричащую малышку повитухе, после чего поворачивается ко мне спиной.

— Пстой, Ивар! Куда ты, любимый?

Он останавливается в дверях, поворачивается и отряхивает свою белую сорочку, словно отмахивается от грязи. Бросает на меня равнодушный взгляд и брезгливо кривит рот.

— Меня предупреждали, что брать в жены простолюдинку — плохой знак. Но я не послушал. Ты, должно быть, изменила мне.

От несправедливости этих слов словно нож вонзается в мое сердце.

— Подожди, но разве ты не видишь, что у нее твое лицо? — я чуть не плачу, видя его равнодушие. Пытаюсь встать с кровати, но лишь бессильно падаю на подушки. Этого не может быть. Ведь мы так ждали ребенка. Это должен был быть самый счастливый день.

Ивар снова подходит к кричащей малышке и долго вглядывается. Тень сомнения пробегает по его лицу, но он решительно качает головой, словно пытаясь выкинуть из нее непрошенную мысль.

— Сходство есть, — бормочет он, словно бы нехотя, — но...

Он знает, знает, что я не изменяла ему. Отчаянная надежда вспыхивает в сердце. Сейчас он одумается, извинится, возьмет ее на руки. Ну конечно, новорожденная растопила

его сердце. Он умеет любить, ведь я же знаю его...

—... Но ведь бывали случаи, когда две девочки рождались подряд... — встречает смущенный распорядитель.

— Трижды за сотни лет! Я уверен, Элис изменила мне. Приберите тут все, и отмойте, — говорит Ивар жестко, — чтобы духу их тут не было к рассвету. Дочерей отправьте в замок моей матери.

От его жестоких слов все внутри обрывается и сердце сдавливает тяжелейшая боль.

— А что с леди Стормс, что с вашей женой? — дрожащим голосом спрашивает распорядитель.

— Она не жена мне более, — жестко отрезает Ивар, — обрейте наголо и отправьте к монашкам в горный приют. И чтобы без шума. Для всех она умерла родами.

— Ивар, постой, — говорю я, с трудом поднимаясь с кровати и выворачиваясь из рук пытающихся удержать меня слуг. — Я же твоя жена, разве ты разлюбил меня? Ты же знаешь, что я ни в чем не виновата, я не знала ни одного мужчины, кроме тебя.

— Жена должна давать сыновей, — говорит он со сталью в голосе. Если ты на это не способна, мне придется найти себе новую супругу.

— Но я...

— Я! Я! Я! Ты думаешь только о себе, Элис, тебе плевать на будущее моего рода. Впрочем, ничего удивительного, простолюдины все думают лишь о себе. Я был добр к тебе,

а ты обманула меня, родив еще одну бесполезную дочь. Ты хоть понимаешь, чего не будет это стоить? Я вот вот должен был стать правой рукой короля, но кому нужен князь без наследника? Ты опозорила меня. Моя репутация под угрозой из за тебя.

— Но ты же любишь Лили, — рыдая говорю я, и хватаюсь за его рубашку пальцами. Ты полюбишь и вторую дочь, пожалуйста.

— Всякому свойственно умиляться при виде малых детей, — говорит он и разжимает мои пальцы. — Прощай, Элис, запомни этот день и радуйся, что я оставил тебя в живых, проявив милосердие. Тебе будет самое место среди монахинь, таких же нугодных богам пустышек, как ты. Возможно там, ты сможешь отмолить у богов свои грехи.

— Какие грехи? Я ничего не сделала! Ивар, постой!

Он разворачивается, и сквозь пелену слез я вижу его удаляющуюся спину.

-- Я обязательно рожу тебе сына, пожалуйста, только не отворачивайся от меня, — рыдаю я.

— Поздно, Элис, один раз я уже поверил тебе.

Я не обращаю внимания на руки, хватающие меня со всех сторон. Горло сдавливает сильнейший спазм. Я пытаюсь вдохнуть, но не могу, пытаюсь кричать, но не слышу собственный крик.

— Начинайте приготовления к отбору, у меня больше нет времени, мне нужен наследник! — слышу я громкий голос

Ивара доносящийся из коридора.

— Пустите меня, пустите, — кричу я, — я должна сказать ему, он должен выслушать.

— Успокойтесь, леди Стормс, не заставляйте нас применять грубую силу.

— Ведь это же не правда, ведь он же сказал это в сердцах, вы же не станете его слушать.

Я с надеждой смотрю на распорядителя Даррена, но он отворачивается и снимает очки, после чего начинает нервно протирать их платком, так, словно это самое важное дело в его жизни.

Нет, нет, это, должно быть, какой-то дурной сон. Сейчас я проснусь и все будет хорошо, Ивар будет рядом, мои дочери будут со мной, будет солнечное утро и радость, и смех...

Вдруг, новорожденная, которая притихла на несколько мгновений, должно быть испугавшись шума, снова начинает кричать.

От ее крика все внутри меня сжимается.

— Дайте мне ее, пожалуйста, дайте мне мою дочку. Я успокою ее, — умоляю я, пытаюсь вытянуть руки.

— Унесите дитя, — говорит Даррен, морщась от громкого крика младенца. — и позовите цирюльника.

Несколько дней назад

— Папа, — говорит малышка Лили, забегая в столовую, где мы с мужем завтракаем, — сколько же мне еще ждать братика?

— Совсем скоро он появится, — говорит муж, подхватывая сильными руками дочку, и сажает ее себе на колени. Он глядит на меня с улыбкой. — Но лучше об этом знает твоя мама. Так что спроси ее.

— Она не говорит когда, а я уже устала ждать, скажи ей, чтобы поторопила его, — хнычет малышка.

Я люблюсь тем, как солнечные лучи играют золотыми волосами дочери, и едва сдерживаю смех от того, с каким трудом Ивар подбирает слова.

Властному князю Ивару, владельцу западных земель и первому претенденту на пост правой руки короля, который не привык сдаваться перед лицом любых трудностей, явно крайне тяжело втолковать малышке, что дети не появляются по приказу.

— Ведь он будет драконом, совсем как ты, и он сможет летать? — спрашивает Лили.

— Конечно, — говорит князь, он будет наследовать все наши земли и станет величайшим драконом, какого видел

свет. Он будет летать выше всех облаков и горных вершин и быстрее молнии.

— Быстрее, чем ты? — широко раскрыв глазки спрашивает Лили.

— Конечно! Со временем он превзойдет даже меня.

Ивар подходит ко мне с дочкой на руках, и прикасается пальцами к моему животу. Я чувствую тепло исходящее от них и по всему моему телу пробегает волна мурашек.

— Твой брат будет очень сильным. И если честно, Лили, я уже чувствую его мощь, хоть он еще и не рожден. И скажу тебе по секрету, — говорит он дочке, — я сам жду не дожусь, когда он появится на свет. Но всему свое время. Надо только запастись терпением. Это должно случиться со дня на день.

— А что если родится девочка? Что если у меня будет сестренка? — спрашивает Лили и ее глазки загораются от этой новой мысли.

— Нет, это невозможно, — улыбается Ивар, — в нашем роду два раза подряд девочки не рождаются.

Он отпускает дочь и поправляет складки на комзоле.

— Беги, поиграй, — говорит он и с улыбкой глядит, как она, словно птичка, беззаботно вылетает из столовой, перебирая маленькими ножками.

Муж приближается ко мне и нежно взяв мое лицо в свои руки целует меня.

— Я с нетерпением жду нашего сына, Элис, — шепчет он мне на ухо, — время подходит.

— Но что если?...

— Никаких если, Элис, ты родишь мне сына, — отрезает он голосом, не терпящим возражений.

Он садится на корточки и снова касается моего живота, теперь уже двумя руками.

— Я назову тебя Торвальд, — говорит он, — мы все ждем тебя, сын.

Несмотря на его улыбку и ласковый взгляд, я успеваю заметить как его властное лицо на мгновение мрачнеет. Это длится всего какую-то секунду, но ее хватает, чтобы сердце мое болезненно сжалось.

Он прав, конечно же это будет мальчик. Безусловно. Иначе и быть не может.

Но даже если девочка... Я уверена, что он будет счастлив в любом случае... Ведь он же любит меня, любит дочку. Ведь иначе и быть не может.

Настоящее время

Почему он так жесток теперь? Почему все они вдруг против меня? Ведь это же мои слуги, я давно знаю каждого из них. Почему они так безразличны ко мне теперь? Разве я не была добра к ним? Разве не заботилась об их семьях?

— Смотрите, чтобы она не вырвалась, приказания князя нужно выполнить как можно скорее, — сухим безжизненным голосом говорит Даррен, надевает очки и протирает тем

же белым платком свою лысину, покрытую потом. Его крупные черты лица, которые всегда казались мне милыми и забавными, теперь видятся зловещими, я не могу поверить, что этот добрый с виду человек, каким я всегда его считала, может быть таким сухим и безжалостным.

Слуги укладывают меня на кровать, и прижимают мои руки и ноги, чтобы я не могла шевельнуться.

— Пожалуйста! Скажите, что это неправда! Он не мог сказать это всерьез!

Распорядитель смущенно прячет глаза.

— приказ был отдан ясно и четко, госпожа. Я должен выполнять приказы князя, это все, что я могу сказать вам. Если вы будете сопротивляться, вы лишь навредите себе, не более того. А я бы этого не хотел, помня вашу доброту ко мне.

Я вижу, как уносят мою новорожденную дочь, которая продолжает заливаться плачем, и в сердце моем что-то надламывается, что-то как будто обрывается и я начинаю испытывать настоящий животный страх. Страх, что я никогда больше ее не увижу, что они разлучат меня с ней навсегда, едва я успела узнать ее. И Лили... Моя маленькая Лили, неужели они не дадут мне ее увидеть? Бедная малышка.

По щекам моим текут слезы, но я даже не могу смахнуть их, потому что мои руки крепко удерживают, не давая мне шелохнуться.

— Мир жесток, дочка, — слышу я в голове слова своей матери, которые она так любила повторять, — он жесток и не

терпит слабости. Слабая женщина — не больше, чем рабыня, если попадает в руки безжалостного мужчины.

Я пытаюсь выкинуть из головы эти слова, но они проявляются все яснее. Только теперь я понимаю правдивость этих слов. Но что толку? Теперь слишком поздно.

— Мужчины пользуются нашей слабостью, чтобы достигать своих целей, а мы жертвуем своей силой ради собственного благополучия, слепо отказываясь от себя, ради их будущего.

Теперь эти давно забытые слова всплывают передо мной, словно свидетельства моей наивности и глупости. А ведь раньше я считала их всего лишь выражением злости обиженной женщины. Отмахивалась и беззаботно глядела в будущее.

Неужели она была права? Неужели то, чему я противилась всю свою юность, сохраняя веру в чистую любовь, на самом деле было страшным обманом?

Все это правда. То, что происходит — правда. Все, что она говорила, тоже правда.

Что же мне делать, мама?

Я пытаюсь заставить ее образ дать мне ответ, я умоляю ее, чувствуя нестерпимую боль внутри и снаружи, боль, которой не чувствовала никогда в жизни. Но она лишь смотрит на меня, словно пытается заставить меня саму найти ответ, как она делала всегда.

Он предал меня. Он оставил меня. Нет... Пожалуйста...

Этого не может быть.

— Может, — словно бы говорит мама, безмолвно глядя на меня своими мудрыми усталыми глазами.

— Поосторожнее с ней, — слышу я голос Даррена сквозь пелену черной сгущающейся боли, вызванной беспросветным отчаянием. — Поднимите, поднимите ее. Осторожно. Кажется, она теряет сознание. Откройте окно.

Я чувствую, что один из слуг отпускает меня, а второй держит не крепко, отвлекшись на суету вокруг.

Лили! Я должна увидеть Лили.

От этой мысли у меня словно бы открывается второе дыхание, в груди словно бы появляется второе сердце. Я резко дергаюсь и вырываюсь из хватки держащих меня рук. От неожиданности я чуть не падаю на пол, спотыкаясь о что-то, лежащее под ногами.

— Ловите ее, недоумки!

Сломав голову я бегу по коридору, чувствуя, как за мной по пятам топчут несколько пар ног в тяжелых сапогах.

Что я делаю? Они догонят меня, догонят и схватят. Как же колотится сердце, ничего не вижу. Почему так темно? Поле моего зрения сужается до маленького тоннеля, и я едва могу разглядеть, куда мне нужно бежать.

Бросаю взгляд в черные окна. Тонкая полоска зари едва брезжит где-то вдали. Сейчас глубокая ночь. Неужели прошло столько времени?

Поворот, еще один. Охранник в тяжелых блестящих до-

спехах ошарашенно смотрит на меня, но пропускает.

— Леди, что случилось? — слышу я его окрик, но не обращаю внимания.

Я перепрыгиваю через две ступеньки, поднимаясь наверх, туда, где находится детская. Шаги преследующих меня слуг остаются где-то позади.

Я тяжело дышу, но знаю, что не смотря ни на что, я в жизни не бегала так быстро. Им не догнать меня.

— Лили! — кричу я и буквально влетаю в детскую.

Но ошарашенно застываю на пороге.

Ивар осторожно держит спящую Лили на руках, а та обнимает его за шею.

Он бросает взгляд на меня и я вижу драконью ярость, полыхающую у него в глазах. Ярость, готовую вырваться наружу неуправляемым огненным вихрем.

— Тебя не должно здесь быть, — раздраженно бросает мне он. — И прекрати орать, ты разбудишь Лили.

Я, словно замороженная, гляжу, как маленькие пальчики дочки цепляются за его воротник, и единственное, что мне сейчас хочется, это прижать ее к себе, вдохнуть запах ее ангельских волос. Держать и никогда не отпускать. Она такая маленькая, такая хрупкая... Как она будет без меня?

От одной мысли об этом меня разрывает на части. За что? За что он подвергает меня такой пытке?

— Дай мне ее, пожалуйста! — произношу я шепотом и делаю осторожный шаг навстречу.

— Тебя больше нет, — говорит он тихим глубоким голосом. — Для всех ты мертва, в том числе и для нее. Не заставляй меня принимать решение, которого я хотел избежать и подчинись. Ты должна исчезнуть. Я так решил.

Его властные черты заостряются и я вижу образ проступающего сквозь них черного дракона с пылающими глазами.

— Ты даже не дашь мне попрощаться с ней? — спрашиваю я. — Почему ты так жесток, Ивар? Ведь я же любила тебя, я отдала тебе все, что у меня было.

— Не устраивай истерик, Элис, ради блага нашей дочери. Ты уже натворила довольно бед, которые теперь расхлебывать мне. Не впутывай в это еще и дочь. Смирись с тем местом, что я определил для тебя и будь благодарна. Не заставляй меня жалеть о моем милосердии по отношению к тебе.

— Благодарна? — шепчу я делая шаг навстречу Ивару.

За спиной я слышу приближение шагов слуг, их гулкая поступь звучит как роковые барабаны, отсчитывающие мгновения до моей смерти.

Они пришли. Сейчас они заберут меня и уже не отпустят. Сейчас они разлучат меня с ней навсегда.

Я падаю на колени перед мужем и заливаясь слезами прошу его:

— Пожалуйста, ради всего хорошего, что было, — дай мне

хотя бы попроситься с ней.

Но лицо его ничего не выражает, ни намека на жалость, ни намека на сострадание. Только маска безразличия и отворачивания.

Я чувствую, как за моей спиной встают люди и кладут мне тяжелые руки на плечи.

— Простите, князь, — сдавленно говорит распорядитель, кланяясь чуть ли не до пола. — Я виноват, я готов ответить.

— Ответишь, Даррен. Каждый из вас ответит. — Говорит он шепотом, — Уведите ее отсюда, она напугает ребенка. Делайте то, что было велено.

Он отворачивается с Лили на руках и я слышу ее сонный голосок.

— Папа, а братик уже появился?

— Нет, дочка, — говорит Ивар, братик появится попозже.

— А где мамочка?

— Мамы сейчас нет.

— Я здесь! — кричу я, но мой голос едва слышно. Из горла вырывается только тихий всхлип.

Меня выволакивают из комнаты и закрывают дверь детской.

Отрешенно, словно со стороны, я наблюдаю за тем, как меня тащат обратно. Словно со стороны вижу себя, пытающуюся вырваться, но руки и ноги не слушаются.

Вижу как они связывают меня и сажают на стул, а передо

мною встает грузная фигура цирюльника.

Слышу оглушительный звук ножниц у самого своего уха, остригающих волосы. Распахиваю глаза и вижу, как на пол летит один золотой локон за другим. Мои драгоценные волосы, волосы, которые я не стригла ни разу в жизни, падают на грязный пол, по которому топчутся сапоги цирюльника.

Я смотрю на это словно бы со стороны. Золото в грязи.

Это не может быть правдой. Мама! Пожалуйста, скажи, что это сон.

— Сохрани то, что можешь, девочка, — слышу я шепот у самого своего уха. Волосы отрастут, раны затянутся. Но память останется. И когда придет время, ты все вернешь.

— Я не могу, это конец, — сотрясаюсь я в рыданиях, чувствуя, что сердце вот вот разорвется от нестерпимого горя. — Я не смогу пережить это.

Еще один щелчок лезвий и еще один золотой локон падает на пол. Голове становится холодно.

Что это за голос?

Я пытаюсь оглядеться по сторонам.

— Не вертите головой, госпожа, — грубо говорит цирюльник, грузный мужик с большим красным носом и клочковатой бородой. — А то, чего доброго, ухо вам отхвачу или глаза выколю ненароком, ножницы острые.

Его равнодушная мозолистая рука крепко держит меня за затылок, чтобы я не дергалась.

— Как я могу вернуть все? — спрашиваю я, словно сквозь

сон, обращаясь к голосу, что слышала у себя в голове.

— Волосья-то отрастут, госпожа, — говорит цирюльник. Так заведено, их стригут, они отрастают. Это вашему благородству ножницы отродясь были неведомы, а обычных девок стригут то и дело. Ежели волос хороший, то дамам обеспеченным на украшение пригоден. Ежели плохой, то в печь.

Он продолжает что-то говорить, но я чувствую, что весь мир начинает кружиться, сердце в груди тяжело бьется и в глазах внезапно темнеет.

— Найди наследие, которым пренебрегла, — слышу я голос, перед тем, как совсем потерять сознание.

Грубые мужские руки хватают меня со всех сторон, дергают и тянут меня. Сгнившие зубы скалятся в сладострастных улыбках. Я пытаюсь отвернуться, пытаюсь высвободиться, но они лишь смеются, видя мою беспомощность. Они сдирают с меня одежду и хохочут, подбадривая друг друга.

— Пожалуйста, не нужно.

— Такая юная, такая красивая, мы с тобой позабавимся.

— Нет, пожалуйста.

Я чувствую, что сердце мое вот вот выпрыгнет из груди. Лихорадочно смотрю по сторонам, пытаюсь найти хоть кого-то... И в ужасе вижу среди них Ивара. На голове его черный капюшон, он смотрит равнодушно, и лишь глаза его едва заметно светятся.

— Пожалуйста, скажи им, Ивар.

Но он лишь качает головой, продолжая безмолвно наблюдать, как люди терзают меня, царапая грязными ногтями мою нежную кожу.

— Прикажи им остановиться, пожалуйста, ради всего святого!

— Так тебе и надо, неверная, — говорит он, и равнодушно глядит, как они впиваются своими зубами в мое тело.

И тут я просыпаюсь от собственного крика.

Хватаюсь за сердце и дышу, как раненное животное, шум-

но и отчаянно.

— Тише, тише, глупая, не кричи, разбудишь мать Плантину. Она будет недовольна. — слышу я сдавленный шепот откуда-то сбоку и чья-то рука накрывает мой рот.

Не могу понять, где я нахожусь. Вокруг темно, все ходит ходуном и меня шатает из стороны в сторону.

— Где я?

— Головой ударилась? — шепчут в ответ. — Мы на пути из города. Не помнишь, как тебя поймали солдаты?

— Какие солдаты?

— Ну точно пришибленная. По случаю смерти своей женошки, наш князь совсем сдурел, и решил выслать всех шлюх из города. Она, говорят, умерла родами, вместе с его наследником. Кто видел его, говорят на нем лица нет. Так страдает. Уж мы бы его утешили, верно девчонки?

Снова сдавленный смех, теперь уже со всех сторон.

— Подождите, — говорю я, — но я не должна быть здесь, мне нужно домой, к моим девочкам, в замок...

— В замок? Так ты что же, не просто шлюха, а из благородных?

Сдавленный смех с другой стороны.

— Расслабься. Тут никто не осудит. Уж больно личико у тебя чистое, и зубки все на месте. Видать недавно в нашем деле. Да и скажу тебе откровенно, я тоже не считаю себя шлюхой. Мы тут все святее матери первого дракона, именно поэтому едем в монастырь.

Еще одна вспышка смеха и приглушенное шипение.

Я начинаю различать силуэты людей, сидящих напротив меня и по сторонам. Очевидно, мы едем в какой-то большой повозке, человек двенадцать, не меньше. Все обриты наголо и все девушки, одетые в пеструю рваную одежду.

Я трогаю свою голову и нащупываю вместо своих прекрасных золотых волос лишь колючий ежик бритого черепа. Мои волосы, они остригли их. Я вспоминаю грубые руки цирюльника, вспоминаю всю ту страшную ночь и меня начинает колотить сильная дрожь.

Ужасный сон, сменился не менее ужасной реальностью. Я чувствую запах немытых тел, ощущаю колючие, плохо оструганные доски сиденья, гляжу на храпящую старуху монахиню, которая спит в углу, подложив под голову подушку и только теперь начинаю осознавать, что произошло на самом деле.

Прошедшие несколько дней вспоминаются, словно все было в тумане, словно я была окутана непроглядным саванном бредовой лихорадки.

Я слышала голоса, видела каких-то людей. Меня куда-то вели, кто-то что-то мне говорил, но все это было словно не со мной.

Пытаюсь остановить рвущиеся наружу слезы, но они льются не спрашивая меня. Текут по подбородку, стекают по щеке и попадают на ворот грубой серой рубахи.

— Я не должна быть здесь, — говорю я, — я нужна им,

моим дочкам...

— Смотрите, сиятельство плачет, — шипит откуда-то грубый женский голос.

— Заткнись, Мати, — говорит та девушка, что разговаривала со мной, — иначе я вырву твой грязный язык и скормлю первой встречной собаке.

— Если надо поплакать, можешь плакать, говорит девушка и приобнимает меня за плечи, накрывая голову своей рукой. Я плачу на ее плече и ругаю себя за то, что не могу сдержаться.

— Простите, — говорю я.

— Ничего, все в порядке. Меня зовут Клементина, это шлюшье имя, но оно мне нравится. А как меня матушка назвала, будь она проклята, я уже и не помню.

— Элис, — говорю я и вытираю слезы, — приятно познакомиться.

— Элис, совсем как покойную женушку князя, — слышится комментарий от кого-то. — Ну точно, светлость.

— Заткнулись все! — Вдруг слышу я истошный вопль из угла. — Раскудахтались, куры проклятые. Я вам покажу!

Старуха три раза бьет в стену возле себя, после чего повозка останавливается.

— Кто шумел? — требовательно орет она и я вижу даже в полутьме, как из ее рта вырываются слюней, орошая тех, кто сидит рядом.

Сразу несколько пальцев молча указывают на меня.

— Сиятельство орало во сне, — говорит обладательница грубого голоса. — А мы пытались ее утихомирить. Она думает, что чем-то отличается от нас и ей тут не место.

— Не место?

Старуха встает на ноги и пригибается, чтобы не удариться об крышу повозки. В два шага она подходит ко мне и хватает меня за ухо.

— Тварь ты такая, мать Плантина покажет тебе, где твое место.

Старуха буквально выдирает меня со скамьи, хватая огромными сильными ручищами и швыряет в конец повозки, а потом выкидывает на в дорожную грязь. Я едва успеваю подставить руки, чтобы не удариться лицом, но больно бьюсь коленками.

Слышу, как она спрыгивает вслед за мной, и тяжело дыша, приближает свое лицо к моему.

— Абсолютно никому нет дела до того, кто ты такая, ты поняла меня? — шипит она мне в лицо, прижимая мою голову ручищей к земле, отчего я вскрикиваю. — Заткнись! Если ты хочешь болтать, хныкать и рассказывать всем небылицы, я буду учить тебя до тех пор, пока ты не усвоишь урок. Теперь ты принадлежишь нашему всеблагому огнедышащему богу, да благословенно будет пекло из которого он вышел, и если я еще раз услышу, что ты болтаешь о своей прошлой жизни, я выбью все твои беленькие зубки. Ты никто, и пока у тебя даже нет имени. Так что поднимай свою тощую задницу, залезай в повозку и сиди как мышь, пока я не разрешу тебе открыть рот. Ты поняла меня?

Она знает, наверняка знает, кто я. Не может не знать.

— Поняла, — сдавленно говорю я, содрогаясь от боли, и чувствую как дорожная грязь затекает мне в ухо.

Неужели это мучение будет продолжаться вечно, неужели не будет никакого просвета?

— Повторяй! — злобно шипит она, брызгая на меня своей слюной. — Да, мать Плантина, слушаюсь! Повтори!

— Да, мать Плантина, слушаюсь... — произношу я, трясясь от боли и обиды.

— Как тебя зовут?

— Никак, меня никак не зовут.

— Откуда ты родом?

— Ниоткуда.

— Так-то лучше.

Наконец, ее хватка ослабевает, она отпускает меня.

Лежа на холодной земле, я слышу, как она отходит, и скрип досок повозки, подсказывает мне, что она залезает внутрь. Я осторожно поворачиваю голову, выплевывая грязь, попавшую мне в рот.

— Так и будешь валяться в грязи, словно животное, грешница? — спрашивает она, возвышая голос. — Будь моя воля, я бы бросила тебя здесь подышать, но я обещала очистить твою душу от скверны, и я исполню свой долг.

Я собираю все оставшиеся силы и поднимаюсь на ноги.

Как могу отряхиваю свой скромный наряд и прихрамывая подхожу к повозке, глотая немые слезы, смешанные с грязью.

Поднимаю взгляд и вижу руку протянутую в мою сторону.

— Хватайся, сестричка, — говорит Клементина, быстрее!

Я тут же цепляюсь за ее руку, и не обращая внимания на боль в коленях, поднимаюсь в повозку.

— Если еще хоть кто-то из вас, паршивок, откроет рот — я буду учить еще жестче, — говорит мать Плантина и усаживается в свое кресло в углу. — Если кто-то посмеет меня разбудить, вы увидите, что такое, когда я по-настоящему гневаюсь, да простит мне пылающий бог мой вспыльчивый нрав.

Она снова бьет кулаком по стенке три раза, и спустя мгно-

вание повозка трогается дальше.

— Спите, пока можете, скверные, — говорит она зевая, — скоро вам предстоит пройти посвящение, и далеко не каждая его выдержит. В отличие от обычных послушниц, с вами, преступницами, никто церемониться не будет. С такими, как вы, пока вы не обрели новые имена, будут обращаться так, как подобает обращаться с преступницами, коими вы и являетесь. Пока ваши души не начнут очищаться от скверны, которой вы напивали свои души всю свою грешную жизнь, вы не люди, а лишь бесправные насекомые.

Она подкладывает под голову свою подушку и закрывает глаза.

Я дрожу всем телом, чувствуя, как холод пронизывает меня со всех сторон. Вся моя одежда вымокла и теперь прилипла к телу, словно вторая кожа.

Надо терпеть, надо вынести все это. Как бы ни было ужасно сейчас, однажды все это закончится.

Я подтягиваю ноги и обнимаю их руками, чтобы хоть так согреться.

Ивар, как же он мог так поступить со мной? Ведь я любила его, он был моей жизнью, я жила ради него, дышала ради него, ловила каждый его взгляд и каждое его слово. Неужели можно быть настолько жестоким? Неужели все прожитые годы ничего не значат? Он даже не дал мне попрощаться с дочерью, даже не дал поддержать новорожденную малышку на руках. Выбросил, как ненужную вещь, словно я не его жена,

которой он клялся в вечной верности, словно не было всех этих лет, прожитых вместе...

Как же мне жить после этого? Как мне вынести весь этот ужас, в котором я оказалась?

Может разбежаться и выпрыгнуть из повозки? Никто не держит меня, никто не найдет меня, если я буду бежать быстро.

но далеко ли я убегу, если мои ноги подкашиваются? Далеко ли убегу, когда несколько дней назад пережила роды, которые чуть не убили меня?

Да и куда мне бежать?

Никому не будет дела, если я сверну шею и умру. Может быть такой выход будет лучшим?

Черная пелена отчаяния начинает заволакивать меня.

Я больше никогда не увижу дочек, не увижу улыбку Лили, не слышу ее смех, никогда не буду счастлива, никогда не верну то, что было, то, чего меня лишил он...

Упираюсь лбом в колени, чувствуя, что больше незачем жить, незачем дышать, сердцу незачем биться... Все конечно. Теперь меня ждет только тьма и боль без конца.

— Держись, — шепчет Клементина мне на ухо, и пододвигаясь ближе ко мне, обнимает меня за плечи, — самая темная ночь бывает перед рассветом.

Я поднимаю голову и с удивлением смотрю на Клементину. Я уже слышала эти слова.

— Странно, так говорила моя мама, перед тем, как уме-

реть, — шепчу я в ответ.

— Так говорил один старичок, который частенько меня навещал. Хороший был дедок, опрятный, вежливый, всегда платил двойную цену и ни разу не сказал грубого слова. Похоже, твоя мать была мудрой женщиной, подруга. Жаль слышать, что она умерла.

— Да... Куда умнее меня.

— Повезло тебе. Моя вот только и делала, что выпивала и колотила меня, если я приносила недостаточно денег ей на выпивку. Скверная была женщина, и рука тяжелая, почти как у нашей надсмотрщицы.

«Найди наследие, которым пренебрегла» — словно вспышка возникают в голове слова, что я слышала в ту ночь.

— Наследие, — шепчу я и поднимаю голову.

— Что?

— Я должна найти его. Должна найти то, что оставила мне мама.

-- Где? О чем ты?

— Она велела найти его, перед тем, как умереть. А я забыла, не стала искать, понимаешь? ПОдумала, что она бредит.

— О чем ты? Какое наследие? Золото?

Но я уже не слышу ничего, я погружаюсь в воспоминания, пытаюсь вспомнить тот день, день ее смерти.

Элис

5 лет назад

— Я могу найти тебе лучших докторов. Я же просила тебя тысячу раз, поехать со мной в город, там для тебя все готово. Ты можешь жить в замке, или в отдельном доме. Зачем ты упрямисься?

Я смотрю на маму, которая лежит на кровати, и сердце мое сжимается. Ее седые локоны блестят в тусклом свете свечей, а лицо измученное и похудевшее. За прошедший две недели, что я не видела ее, ей явно стало хуже. А я то надеялась, что она идет на поправку...

Ивар стоит рядом с непроницаемым лицом. Сжимаю его руку, но не чувствую ответного пожатия, отчего мне становится не по себе, словно его здесь нет.

Я знаю, что ему неприятно находиться здесь, в старом темном жилище моей матери, но я настояла, чтобы он пришел со мной. Мама передала мне, чтобы сегодня без него я не приходила и я испугалась, что она не пустит меня на порог, если я ослушаюсь.

— Нет, дочь моя, доктора твои мне не помогут, и в другой дом я не хочу. Довольно уже того, что я пользуюсь добротой милых людей, которых ты ко мне прислала. Мне ничего не

нужно, мне хорошо здесь. Здесь я родилась, здесь родились мои предки, здесь я и умру.

— Ты не умрешь...

— Осталось недолго, Элис, — перебивает она меня. — Свечи горят так ярко, я почти не вижу твоего лица.

Я оглядываюсь по сторонам но горит всего две свечи, которые едва освещают комнату с низким потолком.

— Ты беременна, дочка, совсем скоро родится дитя. Жаль, что я не увижу ее.

Мама улыбается и берет меня за руку.

— Никто не знает, кто родится, мама, — с улыбкой говорю я, и ловлю мимолетный раздраженный взгляд Ивара, — мы с князем думаем, что это будет мальчик.

— Неет, качает она головой. Это будет не мальчик. Прости, князь, можешь хмуриться, можешь злиться, но моя дочь носит под сердцем девочку и звать ее будут Лили, как мою мать. Это мое желание и прошу его исполнить. Ты же исполнишь желание умирающей женщины?

Ивар глядит на меня, потом снова на маму.

— Семя штормсов сильно, я уверен, что родится сын, но если случится чудо, и вместо первенца родится девочка, я исполню вашу просьбу.

— Чудо! Верное слово. Она будет чудо как хороша. Ангел во плоти, а не ребенок. Вот и молодец, вот и славно. И не переживай, не хмурься и не сердись. У тебя еще будет мальчик, но нужно набраться терпения. Терпения тебе не хвата-

ет, Ивар. Не обижай мою дочь, люби ее, лелей, как цветок, и она даст тебе сына, сильного, какого еще не видывал свет.

— Она, кажется, начинает бредить, Элис, — шепчет мне на ухо Ивар.

— Не шепчи, сынок, я все прекрасно слышу, — говорит мама. — Я не выжила из ума. Бог дает дары не только вам, драконам... Лучше подай мне воды.

Ивар хмурится и подходит к столику. Наливает стакан воды и подносит к губам матери.

— Спасибо, князь, ты очень добр, — говорит она, после того, как делает несколько глотков. — Я рада, что ты приехал, я хотела хотя бы раз посмотреть на тебя вблизи, каков ты на самом деле. Дочка хорошо тебя описывала, я понимаю, почему она выбрала тебя.

— И каков же я? — спрашивает он, ставя стакан на стол.

— Красив, силен, горд, нетерпелив и безжалостен. Однако, твоё нетерпение может погубить тебя, сделать слепым, князь Ивар. Тебе повезло, что ты встретил мою дочь. Я знаю, ты думаешь, что облагодетельствовал нашу семью, связавшись с, как вы, высокородные, называете таких как мы «простолюдинкой», но на самом деле повезло здесь больше всего тебе. Только она может уравновесить зло, что таится в твоей душе и подсветить то добро, что еще осталось.

— Мама, что ты такое говоришь! — восклицаю я, краснея. Мне хочется провалиться сквозь землю от ее слов.

— Не надо затыкать мне рот, Элис, мне уже не так много

осталось, чтобы я выбирала слова.

— Я прощу вам вашу грубость, только потому, что вы мать моей жены, но...

— Не кипятись, дракон, не пугай и не шипи, — обрывает она его, после чего закашливается. — Знаешь ли, я позволила вашему браку случиться, я могу и расстроить его.

— Нас венчал высший королевский суд...

— Королевский суд, — пренебрежительно обрывает его мама, — есть суд куда выше суда вашего плюгавого ничтожества, что вы именуете королем, есть небесный суд.

Я вижу, как глаза Ивара начинают разгораться и он еле сдерживается, чтобы не взорваться.

Я понимаю, что если не вмешаюсь, может случиться непоправимое. Беру мужа за руку, потвожу на несколько шагов в сторону, обнимаю его и шепчу ему на ухо, чтобы мама точно не услышала:

— Пожалуйста, милый, прости ее, она привыкла говорить все, что думает. Прости, ради меня.

— Она оскорбляет светлейшего.

— Его здесь нет, — шепчу я с улыбкой, — и мы ему не скажем. Она очень больна, не сердись.

Чувствую, как от моих прикосновений и слов он начинает смягчаться, расслабляется и, наконец, кивает.

— Я подожду тебя снаружи.

— Я скоро.

— Не торопись.

Он делает шаг к выходу, но мать окрикивает его:

— Ивар, сынок, послушай последнее слово.

Он разворачивается и устремляет на нее свои глаза, на дне которых все еще плещется огонь.

Мама поднимается на локте и смотрит прямо, указывая пальцем на Ивара.

— Дракон, слушай внимательно и запоминай, если ты обидишь мою дочь, словом, или делом. Если хоть один волос упадет с ее головы по твоей воле, твоя жизнь превратится в ад, и ты взмолишься, чтобы это прекратилось, но конца этому не будет, пока твоя душа не истлеет, превратившись в безжизненный камень. Но даже тогда искупления ты не получишь. Ты понял меня?

После этих слов в комнате повисает тяжелейшая тягучая минута тишины.

— Мама, — шепчу я в ужасе, — что ты говоришь?..

— Я говорю то, что он должен услышать., — едва слышно произносит мама и снова опускает голову на подушку. Похоже, эта речь стоила ей большей части сил, что у нее оставались.

Ивар долго смотрит на нее, затем качает головой.

— Я стерплю ваши дерзкие слова в последний раз. Ради любви к вашей дочери я учту ваше болезненное состояние, — говорит Ивар холодно, и не говоря больше ни слова, разворачивается, открывает скрипучую дверь и выходит на улицу, пригибая голову, чтобы не удариться о низкую притолоку.

— Мама, ну зачем ты так? — говорю я, снова подходя к ней и садясь рядом на кровати. — Это же мой муж, я навеки с ним, до самой смерти. Я его выбрала, я люблю его..

Прижимаю руки к груди, не в силах выразить словами, как мое сердце всякий раз замирает от нежности, стоит мне увидеть моего князя. Неужели она не понимает, что такими словами только вредит? Ивар не заслуживает, чтобы с ним так разговаривали. Он никогда даже и не помыслил о том, чтобы обидеть меня. Напротив, всегда был внимателен и постоянно спрашивал о моем самочувствии, с тех пор, как стало известно, что я забеременела.

— Значит так надо, дочка, значит так надо, — говорит мама и закашливается. — В твоём муже есть добро, и я вижу его, пока он ещё молод и его душа может склониться в любую сторону. Но зла в нём довольно, как во всяком, кто имеет большую силу и власть. Я боюсь за тебя и сердце мое беспокойно. Невовремя я покидаю этот мир, жаль, что не смогу увидеть внуков.

— Ты ещё увидишь их, мама, не говори так, пожалуйста. Я сжимаю её руку и чувствую, что на глаза наворачиваются слезы. Нет, она не может умереть. Она сильная, этого просто не может случиться.

— Конечно увижу, дитя мое, увижу, но не смогу взять на руки, не смогу поговорить с ними, не смогу ничему научить. Ну-ну, только не надо плакать. Сейчас для этого не время. Когда опустите меня в землю, можешь дать волю слезам, а сейчас не смей. Моя дочь должна быть сильной.

— Я буду сильной. Только пожалуйста, не говори этих слов, не говори, что не увидишь внуков.

— Ты позднее дитя, ты мой дар, Элис. — говорит она с улыбкой, сжимая мою руку. — Ради тебя я пожертвовала всем, что у меня было, но я ни секунды не жалею. Ты стоишь всего этого и гораздо большего. Ты была моим светом на закате жизни, и останешься светом навечно, в той, другой жизни. Я сделала все, как она просила, и она услышала меня. Я отдала свой дар в обмен на её дар, она приняла эту жертву. Как же я счастлива, что этого оказалось достаточно.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Узнаешь, со временем ты все узнаешь.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, мама, — говорю я.

— Я не смогла передать тебе всего, но главное я сделала — твоя душа чиста и светла. Но ты должна будешь стать сильной. Крепкой, как камень, гибкой, как молодое дерево, мудрой, как змея. Это тебе придется сделать самой.

— Все, что скажешь, я сделаю.

— Не сразу... Но со временем сделаешь, Элис. Ты еще так юна, твое сердце еще не знало боли, и я надеюсь, что никогда не узнает. Будущее неясно. Раньше я могла видеть его гораздо яснее, теперь, когда я отдала свой дар, я вижу лишь бледные тени будущего, но даже в них я вижу опасность.

В эту минуту я понимаю, что мама начинает по-настоящему бредить. Такой я не видела ее еще никогда. И мне становится по-настоящему страшно. Бессвязные слова про какой-то дар, какую-то жертву и прорицание будущего... Мне больно видеть, как всегда ясный ум моей матери, теперь смешался, и она не может понять разницу между сном и явью.

Я лишь молчу и слушаю, роняя немые слезы на постель моей матери.

— Ведь ты же думаешь, что я тронулась умом, Элис? — вдруг говорит мама.

— Нет, что ты говоришь...

— Сейчас все это для тебя пустые слова, но однажды ты их вспомнишь. Однажды, я надеюсь, что это однажды не слу-

чится, но если да, то ты вспомнишь их и они принесут тебе пользу, они укажут тебе путь. Послушай, и запомни, я прошу тебя.

— Да, конечно.

— На дне озера, возле пристани, лежит сундук с цепью. Он погружен глубоко в илистое дно, так что найти его будет нелего, но ты найдешь. Разыщи человека, который поможет тебе достать его со дна. Там спрятано мое наследие. Ты запомнила?

— Да, — киваю я, — на дне, возле пристани, под слоем ила лежит сундук.

— Умница, хорошая девочка. Но не говори своему мужу, не говори Ивару. Он не должен знать. Никто не должен знать, что там, и никому не должно достаться его содержимое. Это только твое. Только твой дар поможет раскрыть его.

— Какой дар? Мама, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты все узнаешь, когда найдешь. Поклянись, что не забудешь разыскать его.

— Я не забуду. Я клянусь. Если хочешь, я прикажу разыскать его прямо сейчас, я попрошу солдат мужа...

— Нет! Ты разве не слышала, что он не должен знать? Ты вообще слушала меня?

— Прости, я запуталась, — говорю я, — это все так странно...

— Возьми то, от чего я отказалась ради тебя, оно пригодится, — эти слова она уже говорит сквозь сон, и дальше я

ничего не могу разобрать.

Я еще какое-то время сижу с матерью, сжимая ее руку, а потом тихонько ухожу, когда уже в третий раз слышу нетерпеливый стук в окошко. Муж заждался меня, и не стоит слишком испытывать его терпение.

— Я навещу тебя завтра, мама, — говорю я и целую ее в лоб.

— Пообещай, что найдешь наследство, — говорит она сквозь сон.

— Я обещаю, я найду. Спи, мама.

Ивар

Драконы не хоронят своих в землю.

Пламя от погребального костра поднимается высоко, сжигая без остатка все воспоминания о ней. То, что горит здесь — моя прошлая жизнь. Сухие бревна стреляют искрами, отчего люди, стоящие на первой линии вздрагивают.

Сегодня хоронят мою Элис, хоронят для всех, кроме меня, ибо я похоронил ее в душе еще несколько дней назад. Мне пришлось это сделать.

Распорядитель Даррен просит людей отойти подальше, он расставляет руки пошире и тихо просит людей отойти, расширяя круг. Его пожилое лицо кажется сегодня особенно печальным, хотя и в обычные-то дни весельчаком старика не назвать.

Все, кто видел Элис живой в ту ночь, кроме него, теперь далеко отсюда. Хотя, это как посмотреть...

Я поднимаю дочь на руки, она глядит в огонь и в ее глазах отражается свет костра. Понимает ли она хоть что-то? Девочке уже четыре, возможно ей стоит что-то попытаться объяснить.

— Когда мамочка вернется? — настойчиво спрашивает Лили не отрывая взгляда.

Как же она похожа на нее.

— Не скоро, дочка, мама в очень долгом путешествии. Огонь перенес ее на ту сторону.

— На ту сторону?

— Да. Сейчас она далеко. Очень далеко, дочь моя.

— Но она же вернется?

Стоит ли сказать ей, что теперь ее мать мертва?

Я смотрю в глаза дочери и ничего не отвечаю. Что-то в сердце отзывается на ее взгляд и мне становится жаль ее. Нет. Ей говорить еще рано. Довольно и того, что она видит этот костер. Она запомнит его, хоть и не понимает сейчас, что он означает. В будущем, когда она вырастет, она все поймет.

— Твоя мама решила, что без нас ей будет лучше, и теперь нам придется жить без нее. Возможно, однажды, вы встретитесь снова.

Я сознательно обманываю дочь. Подумать только, великий князь Ивар Стормс проявляет малодушие.

— Но я хочу к ней, хочу к маме, — девочка начинает плакать. — Я хочу к маме!

Я ловлю понимающие взгляды собравшихся. Они смотрят на меня тепло. Еще бы, ведь для них я за одну ночь потерял и жену и второго ребенка. Для них я убитый горем отец и муж. Они уже успели осыпать меня ворохом своих никчемных соболезнований, теперь они будут сверлить меня взглядами полными жалости.

Что ж, это придется перетерпеть.

Я вздыхаю и передаю Лили няньке, которая уже тянет руки, чтобы унести капризное дитя.

Лили мало лет, она быстро забудет мать. Это хорошо, если же нет, придется отослать ее, как я и планировал. Видеть ее каждый день с одной стороны приятно, это моя кровь, моя плоть. Но с другой стороны, она слишком сильно похожа на мать. Невозможно смотреть на нее и не помнить глаза Элис в ту ночь, ее слезы, ее крик отчаяния.

Нет. Я не мог поступить иначе. Она не оставила мне выбора. Она предала меня и я сделал все так, как нужно.

Но на сердце все равно пустота, словно из жизни выдернули что-то важное, что-то постоянное, чего не замечал, а стоило убрать, как стало ясно, что без этого тяжело.

Как же долго горит это проклятое дерево. Мне хочется обернуться в дракона прямо сейчас, несмотря на запрет, и добавить костру пламени, чтобы все поскорее закончилось.

Минуты тянутся бесконечно долго, солнце уже заходит и становится темно, а костер все еще догарает. Я должен быть здесь. Я должен дожидаться, когда последний язык пламени исчезнет. Только тогда душа умершего считается покинувшей этот мир без остатка.

Когда костер, наконец, догарает, на небе уже давно светят звезды. Они особенно ярки сегодня, едва не выжигают глаза своим светом.

Собравшиеся безмолвно прощаются со мной, едва замет-

но кланяясь и складывая руки в подобающем жесте.

Последним ко мне подходит барон Ридли. Он единственный осмеливается вымолвить слово, как мой ближайший друг и соратник, с которым я проходил и школу и академию.

— Держись, друг мой, ради дочери, ради памяти об Элис.
— Она была прекрасной женщиной, видит бог, она не заслужила такой участи. Он обнимает меня и хлопает рукой по моей спине. Я нехотя отвечаю на его объятия. Хотя предпочел бы, чтобы он как и все остальные ушел без лишних разговоров.

Сегодня он не весел, как обычно, не шутит и не язвит. Пожалуй, сегодня я впервые вижу молодого барона Ридли вполне серьезным.

— Я любил ее больше жизни, — говорю я, — эту утрату не восполнить.

— Да, понимаю тебя, скажу тебе честно, я в жизни не видел и не знал женщины прекраснее. Она была душой нашего княжества, такая доброта, такая красота. Когда я узнал о ее смерти, я клянусь тебе, я чуть не зарезал слугу, который мне это сообщил. Я был убит горем.

В сумерках я вижу, как на его глазах наворачиваются слезы.

— Не знал, что вы были так близки, — говорю я сухо.

— Знаешь, всякий раз, когда вы гостили у нас, или мы встречались где-нибудь, словно солнце выходило из за туч. Жаль, очень жаль. А Лили, как должно быть тяжело малыш-

ке без матери, — продолжает говорить он, не обращая внимания на мои слова.

— Время пройдет, и она все забудет, — говорю я с трудом скрывая раздражение.

— Да, дети быстро забывают, не то, что взрослые.

Я смотрю ему в глаза и мне кажется, что я вижу в них какой-то странный огонек. Словно он хочет сказать что-то но не решается. Проходит мгновение, и он отводит взгляд.

— Спокойной ночи князь, — говорит он, — как всегда, ты знаешь, любая помощь, какая возможна... Я весь к твоим услугам.

— Спасибо, — говорю я, и когда он уходит, я задумчиво гляжу ему вслед.

Может ли он знать что-то? Он дразнил меня, или мне показалось? Но зачем ему это делать? Что если он как-то разнюхал о том, что на самом деле случилось той ночью?

Я стираю ладонью пепел с лица. Сознание играет со мной в злые игры. Я не сплю уже четвертый день. Мне нужно поспать. Ридли мой друг, конечно он переживает смерть Элис, они же были знакомы. Нет смысла подозревать его в чем-то.

Но что если она путалась с ним?

Он по всем представлениям женщин красив, богат, знатного рода, могла ли она пойти на это с ним?

Жестокое чувство ревности и злобы начинает подниматься с самых глубин моего сердца. Каким соловьем он разливался. Разве так говорят о покойной жене друга? А что если

он знает о ребенке? Нет... Это бред.. Ридли не мог так поступить со мной.

Только не он.

Но что если все-таки он?

Нужно выяснить наверняка.

— Привал, — будит меня грубый мужской голос, доносящийся издали. — Лошадям нужно отдохнуть. Мать Плантина, скажите девкам, чтобы набрали хвороста.

Повозка стоит на месте, снаружи уже утро. Я не заметила, как уснула, прижавшись к Клементине. Я пытаюсь разогнуть ноги, но их прошивает безумная боль, поза в которой я сидела, удар об землю и переохлаждение явно не прошли даром.

Я как-то отрешенно смотрю на зевающую старуху, которая вывалила меня в грязи ночью и запоминаю мельчайшие детали ее лица.

— Только память, нужно сохранить все, что осталось, — твержу я про себя слова, которые слышала в бреду. — Волосы отрастут, память останется, и они заплатят.

Она заплатит. Обязательно.

— Чего уставилась, сиятельство? — язвительно рывкает мать Плантина. — Злишься за ночной урок? Ну и дура, ты должна быть благодарна богу, что он послал меня тебе. Рядом со мной ты научишься скромности, благочестию и спасешь свою душу... Если выживешь.

Я опускаю взгляд и смотрю на свои грязные босые ноги. Теперь такие же, как ноги всех остальных в этой повозке, не считая монашки, которая одета в хорошие сапоги из дорого-

стоящей блестящей кожи.

— Я чувствую, что ты уже рвешься отстоять свое право на еду. Это похвально. Я скажу вам, как будет.

Она достает из сумки, висящей на ручке кресла, на котором она сидит, маленькие песочные часы, переворачивает их и говорит громко, ведь только то мы ценим, и за то благодарны, что дается нам с трудом и потом:

— Пятнадцать минут, кто принесет меньше всех хвороста, тот не будет сегодня есть. Кто принесет больше всех, тому достанется мясо. Кто опоздает, тот будет идти за повозкой пешком. Ну а если кого из вас съедят местные звери, значит такова судьба.

От упоминания еды, в животе у меня урчит и все внутри начинает скручивать от голода. Все девушки тут же вскакивают со своих мест и по очереди выпрыгивают из повозки.

— Пойдем, — говорит Клементина, и тянет меня к выходу. Я прихрамывая слезаю с повозки и морщусь от боли.

Мы торопливо идем к деревьям и я ловлю на себе неприязненные взгляды девушек, особенно той, что хохотала над мной ночью громче всех. Ее лицо я тоже постаралась запомнить. Колючая трава впивается в нежную кожу ног, оставляя мелкие порезы, которые тут же начинают кровоточить, но я не обращаю внимания, раз за разом прокручивая в голове одни и те же слова.

Девушки быстро разбредаются по лесу. Я вижу, как несколько собирается в стайку и пытаются вытащить из зем-

ли трухлявый пенёк полусгнившей сосны.

Другие собирают маленькие веточки и только двум и ли трем удастся найти хорошие сухие ветки, который подойдут для костра. Я слышу как девушки перекликаются, кто-то весело шутит и смеется. Их смех разносится по лесу, странно отражаясь в деревьях и повторяясь, искажается до неузнаваемости.

— Я должна бежать, — говорю я Клементине, которая все еще идет рядом со мной. Она уже набрала целую охапку больших еловых шишек, которые никто, похоже, еще не думался собирать.

— Я думала об этом, но не получится, подруга, — говорит она, — здесь непролазные леса, ночью тут полно волков и другой живности, еще похуже. Старуха не просто так пугала нас, хотя я надеюсь, днем, так близко к дороге их нет.

— Откуда ты знаешь?

— Это Шантонский лес, все про него знают, он простирается на сотни миль к югу от княжества.

Так вот где мы. Теперь понятно куда меня везут.

— Проклятье, — с досадой понимаю. что это совсем не в той стороне, куда мне нужно. Не в той стороне, где стоит дом моей покойной матери.

— Значит нас везут в северную обитель?

— Похоже на то... Ух ты, смотри.

Клементина нагибается и поддевает рукой большую ветку, утопающую в еловых иглах. Хорошая сухая ветка, кото-

рая точно сгодится на костер. Я помогаю ей вытащить ее, не уронив то, что она уже собрала.

— Повезло тебе, — говорю я с улыбкой, — похоже я знаю. кто сегодня будет есть мясо.

— Забирай себе, — говорит она и машет рукой, — мне все равно не утащить ее.

Я знаю, что она лукавит и с легкостью утащит и эту ветку и еще две таких, и от того еще больше благодарна ей.

— Нет, так нельзя, я должна найти сама, — говорю я. — Ты иди, я догоню.

— Время на исходе, Элис, — говорит клементина, — лучше вернемся сейчас. Да постой же ты!

Слушая ее краем уха, я обыскиваю взглядом землю, но не могу найти ничего подходящего. В глаза бросаются лишь грибы и трухлявые пеньки. Я ускоряю шаг, все быстрее отдаляясь от остальных, пренебрегая болью, с каждым движением вознаграждающей меня за рвение.

— Проклятая старуха. Проклятая старуха. Проклятая старуха, — твержу я про себя, делая каждый следующий болезненный шаг.

И вдруг мой взгляд цепляется за что-то подходящее. Нашла!

Прямо перед собой я вижу отличную кривую ветку, похожую на разветвленные олени рога. Я победно поднимаю ее над головой и оборачиваюсь, чтобы похвастаться перед Клементиной.

— Элис, уходи оттуда! — кричит она издали и бросает все, что нашла. После чего начинает карабкаться на ближайшее дерево, раздирая остатки своего пестрого платья.

— Что?...

Я оборачиваюсь и прямо перед собой вижу оскаленную морду черного волка. Желтые глаза смотрят мне в душу. Утробный рык зверя постепенно перерастает из едва слышного, в угрожающий и сулящий смерть.

Все мое тело окатывает волной ледящего страха.

Волк медленно делает угрожающий шаг навстречу, не отрывая от меня своих янтарных глаз.

Бежать уже поздно — это я понимаю сразу. Если я побегу, он прыгнет мне на спину и вонзит острые клыки в шею. Я не должна показывать ему свой страх, он должен видеть, что я не боюсь.

Вместо того, чтобы развернуться и бежать, я, повинувшись какому-то странному наитию, шагаю вперед, не прерывая зрительного контакта со зверем. Шерсть на его загривке вздымается и он делает резкий выпад, одновременно кляца страшными острыми зубами. Но я, несмотря на то, что сердце мое уходит в пятки, не шелохнусь, а после, осыпая себя саму проклятьями за самоубийственную отвагу, делаю еще один шаг навстречу.

— Элис, ты чего? Беги! — кричит Клементина издали, но я не обращаю внимания. Какая-то новая сила словно тянет меня вперед, вопреки моему страху.

Сухие еловые иглы шуршат под моими босыми ногами и я делаю еще шаг. А в следующее мгновение с ужасом осознаю, что вытягиваю руку, чтобы коснуться страшного зверя пальцами. Одна моя часть кричит от ужаса и требует, чтобы я бежала без оглядки, но другая, куда более мудрая и спокойная, требует, чтобы я коснулась его.

— Ты голоден, — слышу я собственный голос, сама удивляясь тому, как спокойно он звучит, словно говорю не я, — страшно голоден и измотан.

Я кладу руку на темную густую шерсть волка, чувствуя под пальцами торчащие кости хребта и ребер.

К моему удивлению, волк не скалится больше и не рычит, вместо этого он опускает морду и начинает тереться об мою ногу.

— Бедный, ты совсем исхудал, — говорю я и садясь на корточки глажу его по загривку. Красивое гордое животное поднимает голову и снова глядит мне в глаза. Теперь в его взгляде нет вызова, только покорность и как будто понимание.

— Мне нечего тебе дать, кроме своей жизни, — говорю я, — такой же, как я, голодный, одинокий и брошенный. Когда я прикасаюсь к нему, мне кажется, что я могу чувствовать события, что происходили с ним в прошлом. Станные смутные картины проплывают перед моими глазами и мне становится до боли печально от того, что я чувствую.

— Они изгнали тебя и не разрешили возвращаться в стаю. Он моргает, глядя на меня и облизывает мою руку шершавым розовым языком.

— Жаль я ничем не могу помочь тебе сейчас, — говорю я с горечью. — Я сама не в лучшем положении. Не советую тебе подходить ближе к дороге, там люди с арбалетами, они стреляют металлическими болтами, если ты попадешься им

на глаза, они убьют тебя ради забавы.

Глажу волка по спине и говорю ему еще какие-то слова, и чувствую, что он как будто понимает, если не самую человеческую речь, то ее смысл.

— Так у тебя дар зверолова, — слышу я ошарашенный голос Клементины из за спины.

Волк тут же ошестинивается и начинает рычать.

— Тихо, тихо, она друг, — говорю я ему, — она не обидит.

Он недоверчиво смотрит на нее, но рычать перестает.

— У меня нет никакого дара, — говорю я.

— Ну конечно, если так, то я тогда — девственница, — хмыкает Клементина недоверчиво. — Ты только что приручила дикого лесного волка. Черные — самые свирепые — это каждый знает. А этот еще и голодный судя по всему.

— Я ничего не делала, — смущенно говорю я, — оно само, я словно бы...

— Знаешь что? Ты, похоже, совсем дурочка и ничего не понимаешь, Но если кто-то об этом узнает. Особенно если это станет известно церковникам, они тебя закопают заживо, а после выкопают и сожгут. Хорошо, что этого, никто, кроме меня, не видел. Пойдем, скорее.

— Подожди, — говорю я, сажусь рядом с волком и смотрю ему в глаза.

— Беги в лес, за нами не ходи.

Он недовольно рычит, и стоит мне отойти на два шага, догоняет меня и заглядывает мне в глаза, словно ожидая ко-

манды.

— Похоже, у нас проблема, — говорит Клементина. — Думаю, пятнадцать минут давно прошли.

— Но мы не можем оставить его тут, он голоден.

— Если мы останемся тут, мы сами умрем от голода, холода и истощения, — говорит она и настойчиво тянет меня за собой.

Я оборачиваюсь и встречаюсь глазами с волком. Он сидит на месте и едва слышно скулит., словно не хочет меня отпустить.

-- Прости, -- одними губами говорю я и отворачиваюсь.

— А вот и наши опоздавшие, — с радостной улыбкой встречает нас мать Плантина, когда мы, возвращаемся с охапкой веток. — Вот те, у кого не хватило мозгов даже на то, чтобы поднять пару веток с земли и вернуться вовремя. Ох и тяжело вам будет дальше...

Я бросаю ветки рядом с костром, который уже разожгли. Один из охранников колдует над котелком, от которого во все стороны распространяется головокружительный аромат. Он бросает на меня приветливый взгляд и едва заметно улыбается.

— А ну-ка подойдите сюда, — обманчиво ласковым голосом говорит мать Плантина. Девушки, сгрудившиеся возле костра улыбаются и сдавленно хихикают. Похоже, не до смеха теперь только нам с Клементиной.

Я подхожу к ней и смотрю ей в глаза.

Пошла она в пекло, я не буду прятать глаз, как провинившаяся гимназистка.

— Мы принесли дрова, — говорю я, — больше, чем все остальные.

— Время вышло, — говорит она и показывает мне песочные часы. — Вы слышали, что будет с теми, кто не умеет выполнять приказы.

— Клементина не виновата, она задержалась из-за меня, — говорю я, не в силах сдержать дрожь от усталости, напряжения и голода. Что-то внутри сводит так сильно, что я едва не сгибаюсь пополам.

— Это правда? — спрашивает мать Плантина, переводя взгляд своих безжизненных серых глаз на Клементину.

Та лишь пожимает плечами:

— Мы собирали дрова вместе, если хотите наказать ее, наказывайте и меня.

Мать плантина качает головой и поджимает губы.

А потом, внезапно, размахивается и что есть силы бьет Клементину по щеке, отчего та падает на землю.

— Запомни, грязная девка. Одна гнилая душа тащит на дно другую, этому не будет ни конца, ни края, — шипит старуха. — Мы приходим в этот мир в одиночку и покидаем его в одиночестве, в смертных судорогах, или в горячке, от кинжала, или огня. Слабость и глупость — вещи, которые разъедают душу сильнее любого другого греха. Но хуже все-

го ложь! Вы будете сидеть и смотреть, как едят остальные, а потом побежите за повозкой, стирая ноги в кровь. Возможно это вас чему-то научит.

При виде того, как бьют мою новую подругу, что-то внутри меня словно бы обрывается. Какая-то туго натянутая цепь со звоном разрывается в моей душе. Этого нельзя терпеть! Я больше не стану!

— Это убьет нас, — говорю я и хватаюсь за руку Плантинны, когда та снова замахивается, чтобы ударить Клементи-ну. Следующую фразу я говорю шепотом, чтобы не слышали остальные, — подумай, что будет, если кое кто не доедет до обители? Неужели ты думаешь, что тебе это спустят? Если бы они хотели моей смерти, они просто убили бы меня, а не отсылали с глаз долой.

Мать плантина отшвыривает меня в сторону, как ребенка и брезгливо отряхивает свое серое облачение. Яо вижу по ее глазам, что мои слова ударили в самую точку.

Ивар

Я прохожу по темному коридору. Стены здесь давно уже покрылись толстым слоем плесени из-за близости к канализационному каналу. Факел в руках злобно трещит, словно жалуясь на сырость. Стараюсь держаться от стен подальше, чтобы не запачкаться.

Лысая мокушка Даррена идущего впереди тускло отблескивает, словно начищенный шлем пехотинца.

Он спотыкается на разбитом камне под ногами и чуть не падает — я успеваю ухватить его за ремень.

— Осторожнее, распорядитель, вы мне еще нужны. Если вы разобьете голову о камни, мне будет сложно найти вам замену.

— Простите, князь, камни скользкие, — говорит он и дрожащими руками поправляет свой камзол, который теперь топорщится некрасивой складкой.

Я только морщусь и прикрываю веки от усталости. Даже драконам нужно иногда спать. Но я должен посмотреть.

— Раньше тут были пыточные, еще во времена, когда князем был ваш дед, Родрик Жестокий.

— Я знаю, — отмахиваюсь я. Мне не хочется говорить, но, похоже, Даррену не по себе. Его голос дрожит точно как

факел, что в моей руке. Смертный. Не слишком ли я сильно доверился ему?

Даррен продолжает, похоже, он не уловил моей интонации:

— Все думают, что это место было затоплено, после его правления. Люди хотели забыть обо всем, что он делал и стереть в своей памяти следы собственной низости. Ведь они мирились с теми ужасами, что он творил. Закрывали глаза. А потом каждый, кого спрашивали, как он допустил ночь кровавой жатвы, клялся, что все это было как в тумане, что фигура Родрика подавляла и уничтожала волю. Здесь поворот налево, князь.

Он поднимает факел над головой, чтобы лучше было видно проем, ведущий налево.

Там впереди, я уже вижу дверь, изрядно выделяющуюся на фоне общего обветшания. Скобы блестят новизной, а дерево еще белое — дверь поставили только что.

— А что ты бы сказал? — спрашиваю я его.

Он останавливается и выдерживает мой долгий взгляд.

— Я бы сказал, что служил своему князю, как и положено. Кровь была бы не на моих руках, а на его руках, по прежнему. Слуги — это лишь инструмент в руках властителя. Как молот инструмент в руках кузнеца, или орудие убийства в руках разбойника.

Так вот значит, как он себя успокаивает.

— Ты же понимаешь, что я не мог поступить иначе, Дар-

рен, — говорю ему я. — Она не оставила мне выбора, предала меня.

— Я не судья, князь, я лишь служу вам.

Проклятый старик.

— Сюда, — говорит он и отодвигает тяжелый металлический засов. — Они не могут выходить отсюда, мы торопились, людей было мало, но мы сделали все, чтобы туда не попадала сырость и им было удобно.

Я захожу внутрь. На меня из полутьмы глядят две пары глаз. Робкая с виду старуха и дородная молодая девка с большими налитыми грудями, красивая но как будто перепуганная до смерти. Она тут же вскакивает и торопливо поправляет платок на голове.

— Князь, — говорит она тихо, но восторженно, — это такая честь, служить вам вот так. Господин распорядитель когда сказал мне, что я должна буду делать, я чуть не умерла от счастья. Но я даже не думала, что смогу повидаться с вами лично. Скажите мне, что я не сплю.

— Ты кормилица? — перебиваю ее болтовню я.

— Да! Я так рада, что могу быть полезной. Это удивительно, я только прибыла в город и сразу нашла такое место. Быть кормилицей ребенка самого князя — это настоящее чудо. Это честь для меня.

— Зачем тут старуха? — спрашиваю я Даррена.

— Она будет принимать роды. Кормилица вот вот должна родить.

Я делаю несколько шагов вглубь комнаты. Даррен был прав, здесь все выглядит действительно неплохо. Они постарались на славу. Помещение вполне похоже на жилое.

— Покажите мне дитя, — говорю я.

Я должен посмотреть еще раз, должен удостовериться. Что если я ошибся? Нет, этого не может быть. Я не ошибаюсь. Никогда.

Но почему же я здесь?

Кормилица отходит в угол комнаты и достает младенца из люльки, завернутого в целый ворох тряпок.

— Вот она, — говорит девка с улыбкой, — ну просто ваша копия, князь Ивар. — Я когда впервые увидела вас, так и подумала, что ребенок, должно быть, пошел в вас, а не в вашу покойную супругу. Говорят, она была очень доброй...

— Заткнись, — прерываю я девку и подношу факел поближе к лицу младенца. От треска огня младенец открывает глаза, а затем и рот, а потом щурится. Я мог бы поклясться, что глядя на меня, дитя улыбается. А в следующее мгновение начинает вытягивать крохотную ручонку, словно хочет потрогать мои волосы.

— Все дети на одно лицо, — жестко говорю я, пытаюсь найти в чертах младенца хоть что-то похожее на барона Ридли.

Почему мое сердце так бьется?

— Дай нож, — говорю я распорядителю сухим голосом.

Он вынимает из ножен маленький острый клинок, больше похожий на нож для чистки овощей, чем на боевое оружие.

— Князь, — останавливает меня Даррен, — быть может лучше я?

— Твои руки дрожат, а ноги едва держат, — говорю я.

— Зачем вам нож? — спрашивает девка с ужасом прикрывая рот. — что вы будете делать?..

— Держи младенца, крепче, — говорю я и прикасаюсь кинжалом к коже ребенка.

На коже тут же выступает крохотная капля крови.

Даррен уже держит наготове маленькую колбу, в которую я осторожно собираю несколько капель рубинового цвета.

— Перевяжите рану, — бросаю я, пытаюсь не обращать внимания на крик младенца, отворачиваюсь, и выхожу из комнаты.

Когда Даррен дрожащими руками задвигает засов двери, я говорю ему:

— Найди мне кровоеда как можно быстрее. И назначь встречу с Ридли на завтра.

Холодные брызги волн, разбивающихся о прибрежные скалы, даже отсюда, из прорехи в обивке повозки, кажутся обжигающе ледяными.

— Почти приехали, — восклицает мать Плантина, — скоро вы вступите в свою новую жизнь. Море не даст вам забыть о изменчивости бытия, а мертвый лес, научит вас смирению, которое лишь одно способно даровать вам искупление, заблудшие вы души.

Она говорит распевно, словно читает молитву, я слушаю слова ее с дрожью, то ли от страха неизвестного, то ли от холода, пронизывающего всю повозку здесь, на побережье.

Когда наша телега, наконец, останавливается, тишину раздирает крик матери Плантины:

— Вытряхивайтесь, грешные души, мы приехали! Запомните этот момент — лучший момент в ваших жалких жизнях!

Я касаюсь плеча Клементины и выскакиваю наружу вместе с остальными, оставляя ее внутри.

Оглядываюсь по сторонам, впитывая унылый пейзаж, который теперь, похоже, будет моим домом и кутаюсь в свое жалкое платье, ничтожное против ледяного ветра.

Древняя крепость, служащая домом для обитателей монастыря, пререзает волнующуюся поверхность моря, словно

вбитый в скалы клин. Полоска прибрежного песка кажется свинцово твердой и ледяной, более ледяной, чем камни дороги, на которой мы стоим, со страхом глядя на это безрадостное творение природы и рук человека — северную обитель.

— Когда-то и я явилась сюда, чтобы смирить свою плоть и отдать себя служению, — говорит Мать Плантина, тяжело дыша, после того, как спустила свое жирное тело с повозки, — Была такой же жалкой грешной девкой, как вы. Но бог помиловал меня и вознес, сделав человеком! Я прошла по мосту в крепость, а душа моя наконец, обрела связь с высшим созидателем всего сущего!

Мать Плантина обходит всех по очереди, заглядывая в глаза, и, наконец, останавливает свой покраснелый взгляд на мне. Я вижу прожилки красной паутины вен на ее щеках, так близко она приблизила свое лицо к моему.

— Ты, что же, светлость, позабыла о своей подруге? Зови эту полудохлую шлюху, пусть выходит из повозки, — говорит она мне, злорадно улыбаясь, пусть поглядит на море и вдохнет этот чудесный холодный воздух. Пусть разделит с нами эту радость начала новой жизни. Или она боится предстать перед ликом очищающего моря и нашего бога?

— Она не может идти, — говорю я сдавленно сквозь зубы. — Ты же знаешь это.

— Тогда вытащи ее волоком, проклятая грешница! — Кричит она мне в лицо и дает пощечину, от которой начи-

нает гореть щека.

— не смей меня трогать, — говорю я, едва сдерживая дрожь в голосе.

— А то что? — спрашивает она шипя мне на ухо, — мы приехали, я svou долг выполнила, как только я передам тебя в руки настоятельнице, ты больше не моя забота, как и сохранность твоей сиятельной задницы. Если ты не вытащишь свою подругу-шлюху, никто не будет делать этого за тебя. Она так и сдохнет тут, а ночью станет кормом для диких кошек. Ее смерть будет на твоих руках. Сестры пальцем не пошевелинут, чтобы помочь ей, я лично за этим прослежу.

Она отворачивается от меня и возвышает голос:

— Вы все отправляетесь со мной, никто не смеет помогать сиятельству, все следуют за мной по мосту в крепость.

— Мы и не собирались, — говорит злорадно Бэкки, беззубая тетка лет сорока, которая успела за время путешествия стать любимицей нашей надзирательницы.

Кучер и охранники снимают с повозки тяжелые ящики, и тащат их к зданию, а за ними тянется пестрая вереница продажных девок во главе с матерью Плантиной, которая на их фоне выглядит словно клякса среди полусгнивших оборванных цветов.

Я с тоской смотрю на лошадей, которых обступили молчаливые монахини, работающие на конюшне. Конечно, они не дадут мне уйти. Да и куда я пойду теперь, без Клем?

— Простите, — обращаюсь я к ним, но они оттесняют

меня в сторону, словно я не человек, а какая-то вещь, и по-прежнему не говоря ни слова, молча уводят лошадей, падающих с ног от усталости после долгого изнурительного перехода.

С тоской смотрю на дорогу, по которой мы сюда приехали.

Надо было бежать, когда была возможность.

Перевожу взгляд на лес и вдруг вижу черную тень, перебегающую от одного толстого ствола дерева к другому. В сердце тут же вспыхивает огонек надежды. Неужели это он? Неужели тот самый волк? Вдруг тень замирает и я вижу два желтых глаза, что смотрят прямо на меня.

Ошибки быть не может, он здесь, он шел всю дорогу за нами.

— Прячясь, говорю я одними губами, боясь, что монахи-ни заметят его и скажут охране. Но по счастью, они ухаживают за лошадьми и смотреть на лес им нужды нет. И мне кажется, что даже если бы они были свободны, они бы просто стояли на месте, тупо уставившись в землю. Настолько пустыми и безжизненными кажутся их лица.

Что с ними тут делают?

Нужно бежать отсюда как можно скорее. Но я не могу бросить Клементину.

Вспоминаю, как жестоко избивала ее мать Плантина у всех на глазах, а другие, во главе с Бэкки держали меня за руки, когда я, рыдая, пыталась остановить это безумие.

Больше, чем ненависть к старухе, меня раздирало только

чувство злости на саму себя. Надо было бежать тогда, надо было, а я решила вернуться, и из-за меня Клементине досталось.

Я залезаю в повозку и сажусь рядом с подругой.

— Прости меня, — говорю я ей. — Это я виновата.

Она открывает глаза, заплавленные синяками и смотрит на меня. Разлепляет потрескавшиеся губы и хриплым болезненным голосом произносит:

— Конечно виновата, Элис, кто же еще? А еще, ты виновата, что мать родила меня на этот проклятый свет.

Она пытается улыбнуться и кашляет.

— Ты можешь идти? — спрашиваю я, едва не плача глядя на нее.

— Не знаю... ощущение такое, что по мне проехала повозка, а потом затоптали лошади. Ух и тяжелая рука у этой суки.

— Она за все заплатит, я клянусь тебе, — говорю я, помогая Клементине подняться и сесть.

— Надо было нам уходить в лес, — говорит она.

— Мы сбежим, — говорю я, — пока я не знаю, как но сбежим отсюда, нужно добраться до моего старого дома, там кое что есть, кое что очень важное. Ты ведь поможешь мне?

— Прости подруга, сейчас я могу только стонать и жаловаться на жизнь, — говорит Клементина, опуская ноги с повозки и с моей помощью осторожно ступая на землю.

— Потом, — говорю я, — когда тебе станет лучше. Там,

наследство моей матери, я должна найти его.

— Наследство? Звучит очень заманчиво. Но нам нужно дожить хотя бы до момента посвящения. Я слышала что ритуал обретения имени проходят далеко не все.

— Что за ритуал? А что бывает с теми, кто не проходит?

Клем ничего не отвечает, и лишь сосредоточенно хромает в сторону здания обители, поддерживаемая мной.

Делая два шага, она останавливается, и переводит дух, морщась от боли. Потом делает еще два шага и снова останавливается, опираясь на меня.

— Увидим, — говорит она наконец. — Скоро мы все увидим.

Когда мы спустя, наверное, не меньше часа, наконец, достигаем шаткого моста, ведущего в крепость, Клем едва переставляет ноги. Мне приходится практически тащить ее на себе, и я чувствую, что силы мои на последнем исходе.

Молчаливые сестры, стоящие по сторонам от моста, вроде бы встречая нас, глядят пустыми, ничего не выражающими глазами. Губы плотно сомкнуты, из ноздрей вырывается пар -- и только в эту минуту я понимаю, как стало холодно. От безумного напряжения я даже не замечала как землю под босыми ногами сковывают вечерние заморозки.

— Она должна пройти сама, — говорит одна из сестер, кладя мне руку на плечо. — Это дорога для одной пары ног.

Я смотрю на шаткий веревочный мост и понимаю, что вдвоем мы и правда не сможем пройти. Все внутри меня обрывается.

— Пожалуйста, — говорю я, без сил падая на землю в изнеможении, — помогите мне.

— Помогут только слезы, — шелестит голос одной из сестер. Ветер тут же подхватывает этот звук, словно выдирая силой его из безразличного рта. — Море ценит только их.

— Оставь меня тут, — хрипит Клем, — не такая уж плохая смерть. Одной шлюхой меньше, одной больше. Никто не заметит. Никто не прольет слез.

Я вижу, что губы ее совсем посинели от холода, а на ресницах появились маленькие кристаллы инея.

— Нет, я никуда не пойду. Не для того, я тебя сюда тащила, чтобы ты умерла здесь.

— Что-то болит внутри, — шепчет Клем, — нехорошо болит.

Она кашляет и я переворачиваю ее на бок, всеми словами проклиная равнодушных монашек безразлично глядящих на нас.

В отчаянии вскидываю взгляд и смотрю на ту сторону моста. Она так близко, и между тем, так смертельно далеко.

Вглядываясь в громаду круглой крепости, я различаю возле моста грузную фигуру матери Плантины. Ненавистная черная ворона на фоне серых камней. Я не вижу ее лица в вечернем сумраке, но могу поклясться, что сука улыбается.

Вижу, как она неторопливо раскладывает складной стул и садится на площадке, ожидая, что будет дальше. Надеется посмотреть, насладиться зрелищем. Поглумиться, когда я пройду по мосту без своей подруги, стыдливо пряча глаза. Вот чего она желает всем сердцем.

Проклятая тварь!

Я отворачиваюсь и закрываю глаза, чувствуя, что сердце то и дело пропускает удары, трепыхаясь, как окровавленная птица в клетке моих ребер.

Я не смогу. Прости меня, я не смогу.

— Пожалуйста, помоги мне. Пожалуйста, помоги мне, по-

жалуйста, помоги мне, — шепчу я, чувствуя, как коченеют мои собственные пальцы. Я не понимаю толком, к кому я обращаюсь. То ли к драконьему богу, то ли к своей покойной матери, то ли к великому морю. равнодушно обрушивающему жирные пенящиеся волны на скалы. Волны распадаются, разлетаются в стороны болезненными брызгами и снова возвращаются назад, к своей матери, растворяются в ней, безропотно и смиренно.

Соленые слезы, такие же соленые, как плоть и кровь морских волн, текут из глаз. Капельки моих слез оставляют на грязном измученном лице подруги разводы, словно акварельная краска. Клем кажется мне картиной, написанной художником в порыве отчаяния. Мои собственные руки, держащие ее, убаюкивающие, как младенца, кажутся мне чужими. А мои глаза, которые все это видят, словно сами рисуют эту картину. Мир сдвигается на какую-то невероятно крохотную песчинку влево, раздваиваясь, и все становится немного мутным и расплывчатым.

Я вижу, как встаю на ноги и мое хилое тело, измученное голодом, жаждой и холодом, скрючивается, сжимается, как пружина, нагибается, словно туго натянутая ветка ореха, а в следующую секунду взваливает ее на себя.

Монашки что-то говорят, пытаются тянуть руки, рвут мою одежду, но я не слышу их своим слухом, не вижу их своими глазами. Они есть и их, как будто, одновременно вовсе нет.

Мать Плантина, видя это, даже встает со своего стула, он

складывается, и дребезжит о камни. Сука ошарашенно раскрывает свой слюнявый рот. Теперь я вижу отчетливо и ее лицо, и паутину кровяных сосудов на ее щеках, и словно бы даже вижу ее неверие, ее надтреснутую моими совершенно невозможными шагами привычную теплую понятность этого мира.

Смотри внимательно, смотри.

— Мы пришли, — простреливает мерный гул моря мой голос, словно ржавая дверная петля, и я делаю последний шаг.

В следующий миг, когда я чувствую твердый камень под ногой, мир снова схлопывается в единое и неделимое целое, и я проваливаюсь в темноту.

— Слишком красивая для шлюхи, слишком сильная для высокородной, — слышу я сиплый старушечий голос, который можно спутать с клубком шипящих змей, если не знаешь языка.

— Меня попросили взять ее с остальными, заплатили золотом. Человек князя Стормса, он знаком вам. Сказал, вы у него в долгу, — теперь знакомый голос — говорит мать Плантина. Говорит непривычно тихо, словно трава стелится, угождая властному ветру, шипению змей.

— Значит высокородная?

В ответ слышу шепот, но слов разобрать не могу.

— Даже так... — задумчиво шипит настоятельница. — Игры князей нас не интересуют. Теперь она одна из нас. Выживет, или нет. Так же, как и все остальные. Забудь, все, что знаешь.

— Она доставила мне много хлопот по дороге, — скорбно говорит мать Плантина.

— Жаловаться будешь морю, — отрезает Крессида.

Я слышу их, но не открываю глаз, надеясь услышать что-то важное. Они не заметят, что я не сплю, я буду лежать тихо, как мертвая мышь. Кошки не трогают мертвых мышей, змеи тоже.

Сознание мутится, и в образовавшейся тишине мне чу-

дится, что я падаю в бездну, как будто тишина отпускает мое тело, передавая его воле податливого воздуха.

Я хочу вскинуться, уцепиться за что-то, вскрикнуть, прося о помощи, чтобы не упасть, чтобы не разбиться о камни, там, глубоко, внизу, под досками моста, сквозь которые виднеются острые, как гнилые зубы, скалы.

— Скорее всего сдохнет, — шипит настоятельница, возвращая меня в реальность, — жалко. Ты ответишь, если так.

— Простите, мать Крессида, я виновата и готова...

— Будешь объясняться с королевским инквизитором, если снова умрет слишком много после ритуала. Он будет недоволен.

— Я готова ответить.

— Посмотрим.

Слышу шуршание одежды, все еще не решаясь раскрыть глаз, все еще не решаясь дышать глубоко, делая лишь маленькие медленные глотки воздуха, чтобы меня не заметили.

— Она не дышит что ли? — шипит голос. — Проверь.

Твердые пальца касаются моей шеи, сжимают ее, словно тиски.

Удар, еще удар, третий.

Слышу тихий-тихий свист, вырывающийся из ноздрей матери Плантины. Неужели ей страшно?

Кто такой этот инквизитор?

— Сердце стучит, она сильная, выживет, — облегченно говорит Плантина.

— Руку-то убери, — шипит голос, — задушишь.

Рука, сдавливающая мое горло разжимается и я рефлексивно делаю глубокий вдох и начинаю кашлять.

Мои руки вцепляются в соломенный матрас на котором я лежу, а в груди что-то хрипит, раздирая мое горло тысячей мелких кошачьих когтей.

Кошки не едят мертвых мышей, а живых едят.

— Позови сестру Сандру, пусть лечит ее. Дайте ей бульона на костях и хлеба, сколько съест. Завтра проверю, — шипит настоятельница и я слышу шуршание ее одеяния. Раскрываю глаза и вижу удаляющуюся спину сгорбленной старухи. В глаза бросается узловатая старческая рука в пятнах, держащая ветвистую трость, отполированную руками до блеска.

— Что с Клем? Она жива? — спрашиваю я, когда приступ кашля заканчивается и я, наконец, могу прохрипеть хотя бы эти слова.

Но никто мне не отвечает. Плантина лишь злобно смотрит на меня, потом плюет мне в лицо, так что я едва успеваю заслониться рукой от ее смердящей слюны.

Она сверлит меня взглядом, скрипит зубами и выходит из комнатки, в которой я лежу, скрипя своими кожаными сапогами.

Я закрываю глаза и погружаюсь в болезненное небытие, смешанное с дурными предчувствиями. Мне кажется, что мать Плантина, вместе с плевком, сказала: — Она мертва.

В следующую секунду мне кажется, что все, что я слыша-

ла и видела до этого. Старуха с палкой, шипящий голос, слова о каком-то инквизиторе, который будет недоволен, хватка сжимающая мое горло, что все это было бредовым видением.

Пробуждаюсь я от того, что кто-то вытирает мое лицо и руки чем-то мягким и теплым. Что это?

Кто-то берет меня за руку и вытирает грязь, тщательно вычищая между моими пальцами. Пахнет мылом. Станный запах, как давно я его не чувствовала...

— Ты недавно родила, — говорит голос. — мягкий, словно безводное облако. Она вытирает мой живот и ноги, но я не чувствую смущения, как будто сама родилась снова, а это моя мать. Меня трясет всем телом и я не открываю глаз. Наверное это тоже бред...

— Она умерла? — спрашиваю я.

— Кто? Твое дитя?

— Клем. Плантина сказала, что Клем умерла, это правда?

— Кто такая Клем?

— Девушка, которую я тащила сюда, моя подруга.

Я открываю глаза и вижу монашку в сером одеянии. У нее такие же серые, почти прозрачные глаза и губы сливаются с кожей лица, словно лишены крови. Она улыбается глядя на меня, но глаза ее печальны.

Она молча отжимает тряпку и продолжает смывать с меня грязь.

— Мне жаль, — наконец, говорит она. — Жаль твоего

ребенка. Ты испытала большое горе.

От ее слов в сердце словно бы втыкается зазубренное копьё. Зачем она говорит об этом. Зачем она мучает меня?

Голос ее звучит так безразлично и глухо, когда она говорит о моей малышке, что я хочу что-то крикнуть ей в лицо, но едва могу дышать от боли. Мне вспоминается моя девочка, которой я так и не успела дать имя, и тот мимолетный миг, когда я держала новорожденную на руках. Я сворачиваюсь, закрывая голову руками, словно меня ударили.

— Я сказала что-то не то? — спрашивает монашка.

Из моих глаз катятся горячие слезы горя. Все, что было прожито за последние дни, наваливается на меня, словно гора. То о чем я старалась не думать, пока мы ехали в монастырь. То, что я гнала от себя, пока у меня были силы, откладывая горе на потом, все это разом сдавило мои кости, сжало мое сердце, скрутило горло в удушающей хватке невозвратимости.

— Какими они были? — спрашивает монашка, вытирая мою голову, словно бы не обращая внимания на мои слезы. — Твои волосы. Они, должно быть, были очень красивыми, как золото.

— Пожалуйста, уйди, — говорю я сквозь слезы.

— Я здесь, чтобы помогать тебе. Меня зовут Сандра. Я буду с тобой, пока ты не встанешь на ноги.

— Ты будешь здесь, чтобы сводить меня с ума? — спрашиваю я, глядя на девушку через пелену слез. — Ты спра-

шиваешь про моего ребенка, про мои волосы. Может быть ты еще спросишь про моего мужа? Давай, у меня еще осталось немного слез.

— Слезы это хорошо, море любит слезы, — говорит Сандра. — Тебе больно, а значит ты выживешь.

Я смотрю в ее пустые глаза и понимаю, что говорить с ней бесполезно. Бессильно падаю на подушку и закрываю лицо руками. Руки пахнут мылом и это, по какой-то причине немного утешает меня.

— Тебе надо поесть, — говорит Сандра, одеться и выпить лекарство, которое я для тебя приготовила. Скоро тебя ждет очень важное испытание. Тебе нужны будут силы, чтобы выдержать то, что ждет тебя впереди.

— Что ждет меня впереди? — спрашиваю я, и отрываю руки от горящих слезами глаз.

— У меня тоже были золотые волосы, как у тебя, — говорит Сандра и подносит к моим губам чашку с густым бульоном. — А глаза зеленые, как вечернее море после дождя. Пей.

Ивар

«Прости, князь, срочно нужно было посетить Латонскую провинцию, там мой брат что-то не поделил со своими работягами. Как вернусь, стрелой примчу к тебе! Надеюсь на утро вторника.

Твой ближайший друг Ридли.»

Ближайший друг... Посмотрим, как ты будешь вертеться, ближайший друг, когда я буду убежден, что это ты тот самый, кто путался с моей женой.

С хрустом сминаю плотную бумагу письма и кидаю в камин.

Стрелой примчишь ко мне, ближайший друг. Я узнаю, куда ты пускал свои стрелы и затолкаю тебе их в глотку. Сегодня как раз вторник.

Младенцы все на одно лицо. Сморщенные, красные человечки...

Проклятье. Пятно на сорочке... Откуда оно?

Пытаюсь вычистить платком, но делаю только хуже. Пятно расплывается, уродуя ткань высочайшего качества из Замира. Одна такая сорочка стоит, как тройка призовых жеребцов.

— Проклятье, — рычу я и в раздражении скидываю с себя сорочку. Лучше бы не трогал.

Подхожу к окну и полной грудью вдыхаю слегка морозный утренний воздух, чтобы успокоиться.

Терпко пахнет яблоками. Еще немного и перезреют. Почему они не собирают их с деревьев, а лишь ползают по земле, словно мыши?

Закрываю глаза. Солнце, отражаясь от крыш приятно касается прикрытых век, словно благословляя этот день для меня. Холодный ветерок ласкает кожу — выступают мурашки.

Я все сделал правильно. Не о чем сожалеть.

Поворачиваюсь и улыбаюсь своему отражению. Сорочка - пустяки, стоило ли из за нее портить себе утро?

— Эй! — кричу я вниз, улыбаясь слугам.

Пожилая, пара, что работает среди прочих в саду, поднимают седые головы и смотрят на меня. Замерли, как степные опоссумы. Испугались. Еще два глаза присоединяются к ним. Спелая девчонка — груди, как те яблоки. Смотрит в глаза и тут же краснеет, отводит взгляд. Прикрывает рот рукой.

— Князь Ивар, доброе утро! — говорит старик и снимает кепку, вытирая пот со сморщенного лба.

— Наберите мне яблок из сада, — говорю я. -- Только не упавших, а тех, что еще на деревьях, посочнее.

— Да, конечно, — старик не мешкая надевает кепку и лов-

ко, как обезьяна лезет на дерево. Похвальная прыть для такого старца.

Хоть какое-то занятие будет для этих бездельников.

Что за девчонка?

Нащупываю в кармане склянку с кровью младенца. Только одно маленькое дело осталось, чтобы успокоить сердце, удостовериться наверняка. Одно маленькое пятнышко, что напоминает о себе, зудит на краю сознания.

Где же носит Даррена? Уже третий день он не может разыскать кровоеда. Почему люди так бездарны? Неужели мне придется и это делать самому?

Натыкаюсь взглядом на сорочку лежащую на полу и понимаю, почему раскраснелась девчонка. Голого торса дракона ей видеть точно не доводилось раньше. Чувствую, как дракон разворачивает хвост, открывает глаза и облизывается раздвоенным языком.

— Сейчас не до этого, зверь, — говорю я, надевая другую сорочку. — Скоро будет отбор, и ты получишь всего сполна.

Дракон недовольно рычит, но подчиняется моей воле. Он голоден, я знаю об этом. Но топтать несмышленных дворовых девок для меня — все равно что носить нечистую и бедную одежду.

Слышится стук в дверь.

— Барон Ридли прибыл, князь, прикажете привести его к вам?

— Нет, — говорю я, — накройте на терассе, мы будем

завтракать.

Как же пустить мерзавцу кровь? Это будет не так просто, как с его дитенышем. Никто для меня барона не поддержит, чтобы не брыкался.

Хотя... Возможно держать и не придется.

Подхожу к столу и выдвигаю один из ящиков.

Вот он. Достаю коробку, украшенную безумно дорогими камнями, обрамляющими золотую печать в виде королевского дракона. Личный подарок короля.

Едва завидев меня, он вскакивает с кресла, как напруженный болванчик. Тело легкое, движения точные, даром, что здоров, как бойцовый бык.

— Здравствуй, друг, — говорю я, натягивая на себя улыбку, которая раньше давалась мне вполне искренне. Я любил этого весельчака, как родного брата.

— Ты не поверишь, я только что остановил бунт! — торжественно говорит он, обнимая меня, по старой школьной привычке. — И прошу заметить, не пролив ни единой капли крови!

Капля твоей крови мне бы пригодилась.

— Ты стал дипломатом и утешителем черни? — говорю я с улыбкой и усаживаюсь за стол, где уже сервируют завтрак.

— Я говорил, как сошедший с небес пророк Вилфред, что остановил десятилетнюю войну тремя фразами.

— Да? И что же за фразы?

— Я обошелся одной! — хохочет он.

— Какой же?

— Сказал, что каждый получит лично от меня по золотому, если все разойдутся и не будут трепать моему непутевому братцу нервы.

Я закатываю глаза.

— Я не понимаю, как твои люди еще не подняли тебя на вилы. Ты, оказывается, осыпашь золотом не только своих, но и чужих.

— Богатство не в деньгах, а в верных друзьях! — говорит Ридли, пародируя нашего учителя — старого Виллема Найта.

Верные... Такие верные как ты... Смейся, друг, пока можешь.

Представляю, как бью хохочущего Ридли в нос, и вытираю его кровь белоснежным платком. Из за него моя дочь осталась без матери. Из за него я вынужден искать новую жену.

— Прости, — вдруг меняется он в лице. — Сейчас, наверное не стоило шутить.

— Ничего, — говорю я, — Элис любила твои шутки, всегда хохотала. Она бы не осудила.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь найти в нем печать стыда. Но он хорошо играет, кажется таким искренним.

— Даже мне ее очень не хватает, Ивар. -- говорит он печально. -- Ее смех, она всегда так радовалась моим дурацким шуткам. Не представляю, как ты держишься?

— Если бы не Лили, я бы переживал это еще хуже, —

вполне искренне говорю я, глядя Ридли в глаза. — Она теперь мой свет.

Представляю, как он просит о пощаде, закрывая лицо руками. Говорит, что не хотел, что никогда бы так не поступил. Смять его, сжать, как бумагу, растоптать.

— Ты посылал за мной по какому-то конкретному делу? — спрашивает он и отпивает чай.

Мне нужна твоя кровь!

— Да, — говорю я, — знаешь что это такое?

Глаза Ридли округляются, он удивлен.

— Это королевский кортик... Не знал, что у тебя он есть. Их всего три... Он стоит безумных денег.

— Его старый король подарил моему отцу. — Винирская сталь. Может разрезать волос вдоль. Попробуй.

Ридли с интересом открывает коробку и достает кортик. Тот переливается множеством баснословно дорогих камней, а в рукояти светится бриллиант размером с половину перепилиного яйца. Винирская сталь такая темная, что почти не отражает света, словно впитывая его. Жадный сплав.

— Только осторожно, не трогай лезвие, — говорю я с замирающим сердцем.

Конечно же Ридли без промедлений трогает лезвие большим пальцем, а через мгновение шипя отдергивает руку.

Купился, идиот, предсказуемый, как мальчишка.

— Кусается! — восторженно говорит ридли. Кровь маленькими капельками падает на белоснежную скатерть.

Я услужливо подаю Ридли свой платок.

— Я же говорил, не трогай... Это не для твоих кривых лап, — говорю с улыбкой.

Осторожно забираю у него семейную реликвию и кладу обратно в коробку.

— И зачем ты мне его показал? — спрашивает Ридли, оборачивая палец платком.

— Мне нужна большая ссуда. Это залог.

— Да брось, дружище, я дам тебе столько, сколько нужно.

— Мне нужно семьсот тысяч, — обрываю его я.

Он лишь присвистывает.

— Ты собрался купить целую провинцию вместе с обитателями?

Этим кортиком я тебя и убью.

С чувством выполненного долга смотрю на пятна крови на скатерти и в полуха слушаю болтовню Ридли. Деньги мне, конечно, без надобности. Теперь мне нужен только кровоед.

На площадке северной башни, обдуваемой всеми ветрами, холодно, но я не замечаю этого. Теперь я точно знаю, какой холод убивает, а какой делает крепче. Этот холод злой, он служит ветру, летящему с бурлящего моря, но он бессилен, словно лаящий пес на привязи — раздражает, но навредить не в состоянии.

— Все таки выжила... Я думала, ты умрешь той же ночью, но ты меня удивила... Мать Плантина у тебя в долгу... — шипит настоятельница Крессиды, то и дело переводя дыхание, словно каждое слово дается ей с трудом. Она заглядывает мне в глаза. — Дерзкая, смотришь прямо. Это мы исправим.

Говоря, она держит сморщенную руку у своего горла, сдавливая его, как будто без этого словам не вырваться из ее сморщенного брезгливой гримасы рта.

— Спасибо, Настоятельница, — отвечаю я, как научила меня Сандра, в ту неделю, что ухаживала за мной. Говоря с настоятельницай, всегда нужно благодарить ее и не забывать называть ее имя. Иначе, удар палкой неминуем.

— Она строгая, но не такая уж злая, — говорила Сандра, — она любит нас, но не терпит несовершенства. Боль, которую она причиняет нам, мы должны принимать со смирением, чтобы стать чище.

— Чтобы стать бесцветными? — не выдерживаю я.

— Только пустой сосуд может вместить воду в себя.

— А что если я хочу сохранить то, что у меня есть?

— Боль, отчаяние, потери, порок, — что из этого ты хочешь сохранить?

Я лишь молчала, понимая, что Сандре объяснять бесполезно. На каждое мое слово, у нее находились слова из книги, которую они все читали и учили наизусть.

Выныриваю из воспоминаний и взглядом врезаюсь в грубые плиты пола, по которому шаркают ветхие сапоги настоятельницы, переходя от меня к соседней девушке из новоприбывших.

— Как звали?

— Матильда, — шепелявит Мати, которая смеялась надо мной, когда мы ехали сюда. Ее я запомнила.

Закрываю глаза готовясь к неизбежному. В следующую секунду слышу удар и сдавленный стон. Похоже еще не все усвоили урок.

— Как меня зовут? — шипит Крессида.

— Настоятельница Крессида, — задыхаясь, говорит Мати. Я поворачиваюсь и вижу, что она, скроченная, сидит на холодном камне пола. Несмотря на то, что ничего хорошего она для меня не сделала, и даже напротив, мне жаль эту бестолковую девку. Стоило бы ей запомнить, какие тут правила.

— Встать, падшая! — командует Крессида и тянет крючковой палкой ее за воротник робы.

— Простите, настоятельница Крессида, — шепелявит Матильда своим беззубым ртом.

— Тебе повезло, — говорит настоятельница, — ты страшная. Вряд ли приглянешься ему.

— Кому? — глупо спрашивает Мати и снова получает удар, на этот раз в лицо, отчего из носа ее начинает струиться тоненькая нитка крови.

— Еще раз! — шипит Крессида.

— Кому, настоятельница Крессида?

— Инквизитору, кому же еще. А вот наш ципленочек вполне может приглянуться.

Она бросает взгляд своих пронизательных старых глаз на меня. — Но на все воля моря и нашего бога, не так ли?

— Да, настоятельница Крессида, — говорю я, чувствуя холодок, пробегающий по моей спине и этот холодок куда хуже того, холода, что приносит ветер с моря.

— Как зовут? — Крессида подходит к следующей девушке.

— Клементина...

— Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что нужно, — молюсь я про себя.

— Клементина, настоятельница Крессида, — говорит Клем, и я выдыхаю с облегчением.

Когда я, взойдя на площадку, увидела Клем, живую и здоровую, я чуть не умерла от радости. Мне хотелось подбежать к ней и обнять ее, но нам строго запретили разговаривать

друг с другом, так что мы лишь обменялись взглядами. Клем глянула на меня и улыбнулась, занимая отведенное ей место в строгом соответствии с инструкциями, которые нам дали до этого. Каждая из 12 занимала свой квадрат, свою каменную плиту.

— Завтра вы обретете свои новые имена, или сгините навечно, не оставив никакого следа на теле бесконечно меняющегося моря, -- повышает голос настоятельница, после того, как обходит каждую девушку по очереди. -- Завтра господь решит вашу судьбу, а вы сделаете все, чтобы оказаться достойными его обаяний.

Голос Крессиды еще долго отзывается в моей голове, даже когда я возвращаюсь в свою скромную комнату.

Сколько бы я до этого не доставала расспросами Сандру, ничего о предстоящем она мне так и не раскрыла, и лишь смиренно улыбалась, глядя на меня своими кроткими бесцветными глазами.

Ивар

— Должен предупредить вас, князь, не смотрите ему в глаза, когда я сниму повязку.

— На драконов их сила не действует, — бросаю я ему, — и кровь драконов они не принимают.

Я с отвращением смотрю на сморщенное голое существо, отдаленно походящее на человека. Глаза его завязаны, а руки с узловатыми пальцами закреплены на столе, чтобы не шелохнулся. Бледная зеленоватая кожа такая тонкая, что можно видеть вены, по которым течет кровь.

— Да, но... Говорят, что они меняются от голода, и за последние годы стали гораздо опаснее. Возможно, даже вы будете подвержены...

Даррен, как и все старики чересчур осторожен, и это раздражает. Я смериваю его недовольным взглядом и он умолкает. Мало того, что он провозился больше недели, добывая одного несчастного кровоеда, так еще взялся учить меня тому, что я знаю не хуже его самого.

— Сними повязку, — приказываю я Даррену холодным тоном, и прикладываю надушенный платок к носу.

От одного вида кровоеда мне нестерпимо хочется вымыться. Запах же настолько отвратительный, что даже от-

крытые окна в камере не помогают.

Даррен срывает с головы кровоеда повязку. Тот щурится от яркого света и опускает голову на стол, показывая редкие волосы на мокушке.

Существо тяжело дышит и кряхтит.

— Подними голову, — говорю я, но в ответ слышу лишь приглушенное бормотание.

— Ты получишь кровь, а потом мы тебя отпустим, — говорю я чистую правду.

И мои слова работают.

Кровоед осторожно поднимает свою непропорционально большую голову, но глаза его закрыты.

— Кровь? — спрашивает он. — Кровь суслика, или енота? Кровь коровы, или овцы? Кровь лошади или курицы?

Голос его звучит так, будто скрипит сухая ветка в лесу. Говорит он быстро, словно произносит скороговорку. Словно боится, что одно слово нечаянно обгонит другое. Зубы его черные, как и губы. Я брезгливо морщусь и отвечаю.

— Лучше. Ты сегодня получишь кровь человека.

От моих слов он дергается всем телом и открывает глаза.

И тут же, словно какая-то сила магнитом притягивает меня к нему, заставляет сделать шаг вперед, потом еще один. Его глаза пульсирующего темно-красного цвета, а зрачки словно впиваются в самую душу, так что даже моему дракону становится не по себе. Дракон рычит внутри меня, заставляя очнуться и отвести взгляд. Что за чертовщина?

— Нам нельзя человеческую кровь, вдруг скулит кровоед.

— На это запрет, давным давно запрет.

— А мы никому не расскажем, говорю я, доставая из внутреннего кармана склянку с кровью младенца и открываю пробку.

Кровоед тут же начинает облизываться и сглатывать слюну, трясаясь всем телом.

— Совсем молодая кровь, сладкая, чудесная, — бормочет кровоед не отводя взгляда от склянки в моих руках. — Дай попробовать, дай!

— А как же закон? — спрашиваю я с улыбкой. — Уже забыл про запрет?

— Я забуду, забуду, только дай мне эту сладкую кровь.

От его голоса по спине моей пробегают мурашки. Сколько сотен лет сородичи этого выроodka и, возможно, он сам, угнетали людей, теперь же их осталось всего несколько десятков, бессмертных существ, доживающих свои бесконечные жизни на болотах.

— Мне нужно сравнить эту кровь, — говорю я и ставлю на стол рядом с кровоедом открытую склянку, — и вот эту.

Достаю из кармана платок пропитанный кровью Ридли.

Я уже знаю, что скажет кровоед. Мне нужно лишь убедиться наверняка, чтобы не допустить ошибки. Я уже внутри себя выписал Ридли смертный приговор, осталась маленькая формальность.

— Эта кровь сухая, — морщит кровоед свое безобразное

лицо. — Не такая сладкая, как та, не такая молодая.

— Мне нужно знать, есть ли между ними родство, — говорю я.

Почему-то сердце мое в эту минуту пропускает удар и я осознаю, что задерживаю дыхание, в ожидании ответа.

— Дай попробовать, — скрипит кровоед и пытается дотнуться губами до склянки, но не может. — Ты обещал дать.

— Даррен, пусть выпьет, — говорю я.

Даррен осторожно берет склянку и выливает ее содержимое в открытый рот кровоеда.

— Вкусная кровь! — восклицает кровоед, — вкусная, сладкая кровь. Сколько сотен лет я не пробовал такой крови. Может быть и никогда не пробовал. Какое блаженство!

Его глаза загораются внутренним красным светом, а руки скрючиваются и трясутся, так, что я даже опасаюсь, не вырвется ли он.

— Заткнись, — приказываю я, не в силах слушать его тошнотворные восторги. — Даррен, дай ему платок. Пора кончать с этим.

Я отворачиваюсь, когда Даррен подносит ко рту кровоеда платок. Подхожу к окну и вдыхаю свежий воздух, чувствуя, как непрощенно колотится мое сердце.

Почему?

— Ну что? — спрашиваю я поворачиваясь.

Даррен убирает платок от рта кровоеда.

Тот причмокивает и улыбается, обнажая свои черные зу-

бы.

— Родства нет. Мужчина лет тридцати, и младенец, не больше недели от роду, женского пола. Нет даже далеких родственных связей. У тебя не найдется еще этой сладкой крови? Я могу рассказать, какие их ждут болезни, сколько они проживут и какие яды на них лучше всего действуют. Или может быть хочешь, чтобы я сравнил с другой кровью? Я помню тысячи людей и не только людей. Однажды мне довелось попробовать кровь дракона. Это редко кому удастся, и редко кто выживает, но если выживаешь, то становишься сильным, как я. Я прожил тысячу лет, дольше многих других -- этот младенец самый вкусный! Но между этим младенцем и мужчиной нет связи, никакой связи!

— Ты лжешь, — говорю я и хватаю кровоеда за горло. — Этого не может быть!

Кровь безумно шумит в висках. Дракон внутри меня изрыгает ослепительно яркое пламя, чувствуя мое состояние.

— Простите, князь, — говорит Даррен, осторожно трогая меня за плечо — Кровоеды не умеют лгать.

— Заткнись! -- рычу я на Даррена, чувствуя, что еще одно мгновение, и я сломаю кровоеду шею.

-- Что если это кто-то другой? -- упрямо говорит Даррен, сделав шаг назад.

Я смотрю в его глаза и читаю в них то, о чем думаю сам, но не признаюсь себе. Он не скажет это вслух.

Одно движение, и кровоед умрет. А другого я искать не

стану. Одно движение и я забуду о том, что он сказал. Одно движение и я похороню все свои сомнения. Если не Ридли, так кто угодно другой. Мало ли с кем она могла спутаться?

Ты будешь думать о чем угодно. Но ты слышал, что он сказал.

Нет... Я не слышал. Он солгал...

Кровоеды не лгут...

Мысли мечутся в моей голове, словно рой разъяренных ос, жалящих меня тысячами острых жал.

Руки мои дрожат.

Я никогда не узнаю. Лучше я никогда не узнаю.

А что, если это правда?

Нет.

Что, если это ты?

Нет!

Элис

— Кто такой этот инквизитор, — спрашиваю Сандру.

Все руки мои исколоты иглами стрельчатой рыбы, которую я вместе с ней разделяваю уже пятый час.

Разрезать брюхо, вытащить содержимое, срезать все иглы, отрубить голову, промыть рыбу в чане с морской водой. И так бесконечно, пока руки, словно одеревенелые, не начнут повторять это, словно ты не человек, а заведенный болванчик.

— Человек божьего закона. Он следит, чтобы все здесь было по закону.

В голосе Сандры звучит насмешка. Я уже поняла, как распознавать в ее безжизненном голосе эмоции, которые прячутся глубоко внутри.

— А если серьезно?

— Монастырю нужно финансирование из казны. Инквизитор курирует наши расходы, наши доходы. Управляет численностью сестер. Если кого-то не хватает, он распоряжается, чтобы прислали еще, если сестер стало слишком много, он решает, кого и куда отправить отсюда.

— Это ведь не все?

— А ты хочешь знать все?

— А ты скажешь? — я задерживаю на ней взгляд, пытаюсь прочесть в нем правду, которую мне нужно знать.

Бояться ли мне его, или, возможно, он может стать тем, благодаря кому я выберусь отсюда?

— Не скажу, — говорит Сандра. — Но лучше бы, чтобы ты ему на глаза не попадалась до испытания.

Больше ничего вытянуть из нее не удастся, сколько я ни пытаюсь. Она лишь глядит на меня своими грустными серыми глазами и вздыхает.

Беру тяжелое ведро с начищенной рыбой. Вот вот рука отвалится. Скользкие ступени так и норовят скинуть меня вниз, туда, где кончается лестница, ведущая к самому морю. Нужно потарапливаться, чтобы не дать повода матери Плантине избить меня в очередной раз. А она ищет этот повод, как собака ищет кость.

Добираюсь до верха и в изнеможении ставлю ведро на металлический стол, где его принимает сестра Джессика, толстая повариха с руками, как ветки дуба. Она легко, как пушинку, поднимает ведро и бормочет что-то себе под нос.

— Что простите?

— На сегодня можешь быть свободна, — брезгливо бросает она.

— А Сандра?

— ты никто, чтобы задавать вопросы, — поджигает повариха губы и презрительно оглядывает меня.

— Иди вымойся, от тебя воняет.

Она отворачивается и уходит вглубь кухни. Я смотрю на свои дрожащие руки из которых сочится кровь и чувствую, как ранки разъедает соль из морской воды.

Во что превратятся мои руки через месяц такой работы? А через год? Почему я должна быть здесь? Почему он там, наслаждается своей прекрасной жизнью, а я здесь?

В голове всплывают слова Сандры:

— Справедливости нет. Есть только степень смирения, которой ты можешь достичь.

Тогда я промолчала. Молчу и сейчас. Но сердце мое кипит, а зубы сводит от злости. Смотрю вниз, туда где волны врезаются в подножие лестницы.

Сколько здесь было таких как я? Сколько было тех, кто не имел надежды? Скольких сломали? Сколькие сделали шаг вниз, приняв последнее решение в жизни.

— Прыгай, — слышу я резкий голос из за спины и вздрагиваю.

Мать плантина улыбается, глядя на меня.

Я делаю шаг назад.

— Или мне помочь тебе? Я знаю, что ты такое. Я все видела. Шепчет она мне в самое ухо. — Лучше прыгай сейчас. То, что он с тобой сделает тебе не понравится. Всего один маленький шаг, и твоя душа навечно отправится в другой мир.

— В книге написано, что самоубийство — это величайший грех, — говорю я, сдерживаясь, чтобы не вцепиться ног-

тями в лицо этой гадине.

Она хватает меня за воротник своей ручищей и притягивает к себе.

— Светлость, не зли меня. В моей воле куда больше, чем ты думаешь.

— Тогда почему ты не толкнула меня? — спрашиваю я, глядя в ее колючие глаза.

— Потому что это слишком просто. Тебя ждет кое-что намного ужаснее. Так что лучше прыгай сама, пока есть шанс.

Она отпускает меня и брезгливо отряхивает руки.

— Пошла отсюда, — бросает она. И в какое-то мгновение я всерьез думаю о том, чтобы попытаться сбросить ее вниз.

Но лишь прохожу мимо, обходя ее по самому краю над пропастью. Она могла бы протянуть руку и сделать легкое движение.

Маленькое переломанное тело покойной супруги Ивара Стормса быстро бы слизали волны, забирая в безразмерное брюхо морской пучины. Никто не стал бы плакать. Никто бы не вспомнил. Для всех я уже мертва. Для всех, разве что, кроме Клементины, с которой мне так и не дали повидаться, с утра до ночи занимая нас бесконечной работой.

Сердце замирает на мгновение, когда я делаю шаг, но Плантина стоит на месте и не собирается ничего делать.

Едва я прохожу мимо нее, я почти перехожу на бег и стрелой влетаю в коридор. Прямо, потом налево, в купальню, где стоят бочки с едва теплой соленой водой из моря.

Снимаю с себя всю одежду и как могу, смываю с себя запах рыбы, въевшийся, кажется, в самую мою душу. Мыться долго нельзя, иначе можно простудиться, а быстро отмыться холодной водой невозможно. В итоге, такое мытье — это сплошное мучение. Наградой за которое служат стучащие от холода зубы до самой ночи.

Выхожу в коридор и иду быстрым шагом, чтобы хоть так согреться.

— Я не должна опускать руки, — шепчу я еле слышно, стуча зубами. — Я должна выбраться отсюда, я должна добраться до дома матери. Нельзя сдаваться, что бы ни было. Нужно быть сильной, ради моих дочерей. Я вернусь, и он заплатит за все. Я вернусь и заберу их.

Не глядя поворачиваю налево, туда, где среди множества дверей, дверь ведущая в мою келью, где я могу хотя бы на несколько минут расслабиться. Прохожу мимо кабинета настоятельницы, стараясь сделать это как можно незаметнее и бросаю мимолетный взгляд в помещение. Дверь открыта и я вижу что за столом ее нет. Выдыхаю с облегчением. И тут же чувствую, как меня хватают чьи-то сильные руки.

— Смотреть нужно куда идешь, девочка, — слышу я низкий бархатный голос и в ужасе поворачиваю голову.

И встречаюсь взглядом с незнакомым мужчиной. Жесткие и хищные черты лица. Его борода аккуратно уложена, волосы забраны в хвост,. Насмешливый взгляд словно пронизывает меня насквозь, заставляя замереть, как маленького

зверька.

На его широкой груди, облаченной в бордовую мантию, расшит серебром, платиной и золотом знак в виде трех падающих капель. Капля крови, капля слез и капля пота. Я знаю этот знак, потому что мне доводилось встречать такой знак в книгах.

Знак инквизиции.

Ивар

Я рычу еще громче и выпускаю шею кровоеда из своей хватки.

— Хочешь кровь дракона? — кричу я ему в лицо, не отрывая взгляда от его красных ,налитых кровью глаз. Я едва не задушил его сейчас, но в его взгляде нет страха, лишь только жажда.

— Да! — говорит он. — Я хочу кровь дракона. Она сильная, она лечит. Кровь дракона дает огонь и ярость. Дай мне ее, дай! Я все расскажу тебе, я все скажу. Я долго жил, я много знаю, я могу сказать все, что захочешь. Чистую правду, чистую, как кровь.

Он бормочет и бормочет не затыкаясь, сводя меня с ума этим монотонным бормотанием. Его голос возносится вверх, как будто он впадает в какой-то экстаз от собственных завываний. И мне становится не по себе.

Проклятый мерзавец, мерзкая тварь.

Это невозможно. Сейчас, сейчас все решится. Он скажет правду и я буду жить дальше, буду жить дальше так, как и планировал. Никаких сожалений, только правда.

В голове вспыхивает образ Элис. Ее слезы, в тот момент, когда она просила меня хотя бы попрощаться с Лили. А я не

дал ей этого сделать. Я был уверен.

Я уверен и теперь.

Стараюсь взять себя в руки, делаю глубокий вдох и зажигаю внутри силу дракона, чтобы успокоить сердце, успокоить безумно гудящую голову.

— Что ты смотришь на меня, Даррен? — спрашиваю я его, чувствуя, что он во всем виноват. Если бы не он, я бы переломил хребет этому подлому существу, что зовется кровоедом, и сейчас все было бы хорошо. Все было бы так, как я хочу.

— Простите, князь, я лишь хотел быть полезным.

— Полезным? Какая от тебя польза? Из за тебя мне придется поить кровью это подлое существо. Этого ты хотел?

— Мои желания не имеют значения, князь. Важно лишь то, чего хотите вы. Если прикажете убрать кровоеда, я сделаю это.

— Оставь, — говорю я раздраженно.

Я должен знать. Я затеял все это, чтобы точно узнать, убедиться в том, в чем я был уверен, чтобы раздавить моего друга Ридли... А теперь оказывается, что Ридли тут не при чем. Оказывается, что он именно такой славный малый, каким кажется.

Кто же тогда я?

Я обманутый человек. Нет сомнений, что она изменила мне. Нет ни малейших сомнений. Сейчас все подтвердиться и я буду спать спокойно.

— Даррен, дай мне нож, — говорю я и вытягиваю руку не сводя глаз с пристально глядящего на меня кровоеда.

Он улыбается, предвкушая то, что сейчас будет и облизывает свои губы.

Даррен вкладывает мне в ладонь холодный клинок.

Я сосредотачиваю всю силу на своей ладони, приказывая силе ослабить сопротивление. Проткнуть кожу дракона практически невозможно, за исключением тех случаев, когда он при смерти, или тех случаев, когда он сам этого искренне желает.

Я закрываю глаза и втыкаю нож в ладонь, выдавливая на стол рядом с кровоедом несколько красных капель, светящихся внутренним светом.

Интересно.

Я впервые вижу собственную кровь. И редко кому из смертных доводилось ее видеть. Капельки начинают гореть красным пламенем, но не испаряются, продолжая лежать на столе, словно сгустки жидкой стали.

— Чего же ты ждешь? — спрашиваю я кровоеда, чувствуя, как сила тут же заживляет рану на руке, вопреки моему желанию. — Или тебе нужно особенное приглашение? Или ты солгал, что можешь испить крови дракона?

— Кровоеды не лгут, — шепчет он, и слизывает черным языком горящие капли, не сводя взгляда с моих глаз.

Он тут же зажмуривается, кривит свою мерзкую рожу и начинает кашлять и извиваться, словно только что прогло-

тил концентрированную кислоту. Его зеленоватая кожа становится серой, а затем постепенно краснеет. Спустя мгновение он раскрывает глаза и я вижу в них огонь, схожий с огнем дракона.

— Дааа!! — кричит он, — Огонь! Вечный огонь дракона во мне!

Он изо всех сил бьется своей сморщенной башкой ооб стол несколько раз подряд и трясется всем телом, словно от падучей.

После этого он замирает и кожа его из темно красной, становится почти черной.

— Какого пекла? — спрашиваю я Даррена. — Он что сдох?

Даррен подходит и трогает его руку, а затем тут же отдергивает пальцы.

— Он горячий, словно уголь...

— Жив он, или мертв?

Я чувствую, как мое сердце колотится от волнения. Это будет к лучшему, если он мертв. Я сделал все, что мог.

— Отойди, — говорю я Даррену и сам трогаю кровоеда. Он действительно очень горячий, и если у этих тварей есть сердце, то оно совершенно точно не бьется.

— Сожгите и закопайте, — говорю я, втыкая нож в стол. — Видимо кровоеды все-таки врут.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. Чувствуя, что с каждым шагом, с моих плечей словно бы спадает груз, который я сам

на них навесил.

Открываю скрипучую дверь.

Нужно сегодня провести время с Лили. Говорят она скучает по матери, капризничает. Что же, дитя ни в чем не виновата. Ребенку нужна ласка, нужна забота... Новая мать, которую я подберу для нее на отборе, должна быть не хуже чем Элис. Она должна полюбить ее.

Делаю несколько шагов и слышу странный шипящий и булькающий звук из камеры. Как будто воду плеснули на раскаленное железо.

За звуком следует оглушительный вопль кровоеда.

— Младенец от крови дракона!

Дорогие читатели! Приглашаю вас познакомиться с моей новинкой: "Измена Серебряного Дракона"

Вот маленький отрывок:

— Я больше не могу ждать, — слышу я капризный голосок. — Ты же обещал мне избавиться от этой ущербной и сделать меня женой.

— Еще одно, последнее перерождение, сладкая моя, и я стану золотым драконом, — слышу я знакомый низкий голос и зажимаю рот рукой, чтобы не закричать. — Джейн слабая и не сможет переродиться, метка погаснет, и я от нее избавлюсь.

— Да! Продолжай! Я рожу тебе золотых наследников, мой золотой дракон, только не останавливайся, — кричит она в экстазе. Слышится звук поцелуев и сладострастные вздохи, прерываемые ритмичными толчками.

Кусаю кожу на ладони, чтобы не закричать и только тихо вою. Мой серебряный дракон, мой любимый, мой свет, и отец моих чудесных малышей, мой истинный предад меня...

— Не хочу, чтобы твои другие дети путались под ногами.

— Я от них избавлюсь.

Далше читайте по ссылке: <https://litnet.com/ru/reader/izmena-serebryanogo-drakona-b460152>

Элис

— Какое очаровательное создание, — говорит он, неужели кто-то ошибся, и вместе с падшими женщинами, отправил в монастырь настоящего ангела?

Я дрожу всем телом. то ли от холода, то ли от страха, упревшись взглядом в эмблему инквизиции на его груди. Пытаюсь вырваться, но он мягко, но крепко держит меня за плечи, не давая возможности сделать это.

Я погибла.

Мне же говорили не показываться на глаза этому человеку... Ну почему я не смотрела по сторонам, когда это было так важно? Ноги начинают дрожать и я зажимаюсь пытаюсь отогнать от себя леденящий страх. В ушах шумит, словно в них попала вода, а сердце колотится как бешеное.

Я видела инквизиторов раньше только издали. Суровые люди с безразличными глазами, которым лучше всего известен язык боли. Дважды я видела их на публичных казнях, где мне, как жене князя было необходимо присутствовать. И каждый раз мне снились эти ужасные люди, хладнокровно отнимающие жизнь у осужденных на казнь. Просыпаясь, я молилась, чтобы судьба никогда не свела меня с одним из них...

Я пропала, пропала... Что же делать?

— Пожалуйста, пустите, — говорю я не открывая глаз. — Мне нужно идти.

Он мягко смеется, словно я сказала что-то невероятно забавное.

— Куда тебе идти здесь? Ты уже пришла, куда тебе нужно, девочка. Или я не нравлюсь тебе? Неужто я хуже настоятельницы Крессиды? Или может быть, тебе по вкусу мать плантина с ее скверным злопамятным характером? Ну-ка открой глаза.

Я повинуюсь и смотрю на него. Его светло-карие глаза смеются.

— Ну, не так уж страшно, верно? Если я отпущу тебя, ты не станешь убегать?

— Я не стану.

Да и куда мне бежать здесь?

— Вот как славно! Посмотрим, можно ли тебе верить.

Он отпускает руки и я остаюсь на месте. Но мне кажется, что сейчас я упаду.

— Как тебя зовут? Меня вот зовут инквизитор Аластер Блэйк. Ты можешь звать просто Блэйк.

— Элис. То есть, пока никак. Это мое старое имя, а новое я еще не заслужила.

— Без твоих слов понял, что не заслужила. Иначе бы не было того блеска в глазах, что я вижу. Таких как ты, я особенно люблю. Хрупкое тело, нежные черты лица. Даже твоя

мальчишеская прическа тебя не портит. Хотя я бы предпочел длинные золотые кудри... Проклятье... Старая карга наплела мне, что в этот раз привезли только беззубых куртизанок из порта и лишь парочку сностных девок. Ты же похожа на маленькую сладкую фею. Знаешь, а я сегодня же сочиню про тебя стихотворение... Это будет славно! Знаешь, говорят мне это не по чину. Да и если бы кто-то узнал, что я сочиняю стихи про шлюх, меня бы расстригли и пустили по миру оскотенного и посрамленного. Слеза, видишь ли, из трех капель на нашей эмблеме мне ближе всех. Наверное поэтому меня все время тянет рифмовать. Иногда сижу и рифмую пол ночи, а наутро встаю с разбитой головой. И стихи у меня получаются, до боли слезливые. Особенно после того, как весь день работаю на допросе с каким-нибудь грешником. Вот скажем вчера, придумал стихотворение. Хочешь послушать?

Говоря это, он берет меня за руку и ведет в кабинет настоятельницы Крессиды. Я не слушаю его и лишь лихорадочно обдумываю, что мне делать. Стоит ли мне кричать, что есть сил, или наоборот нужно поддаться, подыграть ему... Поддержать странный разговор, что он затеял.

— Ну так что? Хочешь? — спрашивает он, закрывая дверь.

Только теперь я осознаю, что здесь я одна, с этим человеком, наедине, и он может делать со мной все, что ему угодно.

Я кошусь на приоткрытое окно, лихорадочно прикиды-

вая, упаду ли я в воду, или на камни, если прямо сейчас выпрыгну. В голове шумит сердцебиение и горло сдавливает от страха.

— Мы же договорились с тобой, что ты не будешь бегать, а я не буду тебя держать, — перехватывает он мой взгляд. — Если ты сиганешь отсюда, это будет очень некрасивое окончание нашего разговора. И очень плохое начало для нашего знакомства.

— Не подходите ко мне, — говорю я сдавленно.

Он ухмыляется, оглаживает свою аккуратную бороду и усаживает свое мощное тело на плетеный стул настоятельницы Крессиды, который жалобно хрустит под его немалым весом.

— Чего они наплели тебе про меня? — спрашивает он, небрежно читая бумаги на столе настоятельницы.

— Ничего конкретного, — говорю я, невероятным усилием сделав вдох.

— Почему тогда ты трясешься, словно увидела смерть?

— Потому что мне страшно, — говорю я то, что думаю.

— Знаешь что будет завтра? — спрашивает он и тон его меняется с дружелюбно шутливого, на серьезный и холодный.

— Нет.

— Завтра ты умрешь, — говорит он и от его голоса, словно бы коркой льда покрывается мое сердце.

Я пытаюсь вдохнуть, но не могу, лишь хватаю ртом воз-

дух, как рыба выброшенная на берег.

— Хочешь умереть? — спрашивает он и вся комната словно бы подергивается инеем.

Он берет со стола нож и ставит его острием на стол, а затем начинает крутить, придерживая пальцем.

Я смотрю на крутящийся нож и чувствую тошноту, подступающую к горлу.

— Не хочу, — нахожу я силы простонать еле слышно.

А в голове только образы моих дочерей, неужели они никогда не увидят меня?

— Тогда делай то, что я прикажу, — ледяным тоном говорит инквизитор, и подхватывает нож одновременно вставая на ноги.

— Что делать? — непослушными губами шепчу я.

— Снимай одежду.

Элис

— Я не привык приказывать дважды, — говорит инквизитор и меня словно бы окатывает ледяной водой.

Я съеживаюсь, понимая, что я попала в западню из которой нет выхода. Что он будет делать со мной? Он возьмет меня силой? Прямо здесь, в монастыре?

Теперь я начинаю понимать, о чем говорили остальные и в глазах начинает темнеть от ужаса.

Сердце стучит, пробивая ледяную корку страха, покрывающую все мое существо.

Я бросаю взгляд на запертую дверь и не раздумывая, резко бросаюсь к ней. Только выбежать. Только вырваться отсюда, а там будет видно...

Мощная рука прижимает меня к грубым доскам двери, так что дыхание перехватывает.

— Мы же договорились, что ты не будешь бегать от меня, девочка, — рычит мне в лицо инквизитор и на этот раз я понимаю, что все, что происходило со мной до этого - ничто. Теперь настал тот момент, когда я погибну...

Он разрезает мою робу ножом. Ткань трещит и падает на пол, оставляя меня обнаженной перед ним.

— Пожалуйста, — умоляю я, глядя в его жестокие глаза.

— Подними руки, — рычит он, — говорил же, давай по хорошему.

Я поднимаю руки наверх, бездумно повинуюсь приказу и чувствую прикосновение острой стали у себя под ребром.

— Терпи, — говорит инквизитор, — и постарайся не орать. Ради твоего же блага.

Я делаю глубокий вдох и кричу, что есть силы.

— Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь ,помогите мне!

— Проклятье! — рычит Блэйк, и тон его становится умоляющим, — да не ори же ты. Я тебя, дуру, пытаюсь спасти.

Он, не обращая внимания на мой крик, прижимает мои руки у меня над головой к двери и делает надрез.

Я чувствую, как кровь начинает струиться по моей коже и с ужасом смотрю, что он вытаскивает что-то из кармана и с силой засовывает в рану.

Я ожидаю испытать ужасную боль, но к своему удивлению, ощущаю, что боль от пореза, напротив, совершенно исчезает.

— Что вы делаете? — шепчу я в ужасе, глядя на то, как останавливается кровь, а рана от пореза под ребром на глазах затягивается.

— Ты сказала, что хочешь жить, — говорит он, — ну так вот.

Внезапно я чувствую, что кто-то начинает дергать дверную ручку с той стороны.

— Никому не говори, — шепчет Блэйк мне на ухо, и от-

пирает замок.

В кабинет тут же врывается настоятельница Крессиди. Она видит меня, голую и дрожащую от ужаса, а потом переводит взгляд на инквизитора.

— Оденсья, — шипит она мне с отвращением и замахивается палкой, чтобы ударить.

Но Блэйк перехватывает палку мощной рукой и пристально смотрит в глаза настоятельнице.

— Не люблю, когда девок портят почему зря, — говорит он. — У вас было достаточно времени, чтобы научить ее.

— Портить девок — это по вашей части. Вы мне отвратительны, инквизитор Блэйк, — шипит она, — надеюсь, вы покинете нас как можно быстрее.

— Как только, так сразу, — говорит он, отпуская ее палку. — Мне пришлось по душе эта девочка. Я хотел бы забрать ее. Могу сделать это прямо сейчас и лишить вас радости лицемерия моей персоны на обряде.

— А мне пришлось бы по душе, если бы вы не занимались развратом в святом месте, ваша святость.

— А кто занимается развратом? — Блэйк улыбается и поднимает с пола мою робу. — С девочки соскочило, нечаянно.

— Она вся изрезана ножом, — шипит Крессиди и я чувствую, что она настолько в ярости, что готова выцарапать инквизитору глаза.

— Ну так что? Я ее заберу?

— Ее судьбу решит море, инквизитор Блэйк, — яростно говорит настоятельница. — Вы видите, как мало у нас людей, мы не можем никого отдавать.

— Мне нужна только эта. Остальных можешь оставить себе.

— Нет, — отрезает Крессида и забирает нож из рук инквизитора. — Это не ваше.

— Иди к себе, — шипит Крессида обращаясь ко мне, — я поговорю с тобой позже.

Я дрожащими руками принимаю изрезанную одежду из его рук и замечаю, как он едва заметно кивает мне.

— Верховный инквизитор будет разочарован, если я расскажу... — слышу я голос инквизитора и дверь тут же плотно закрывается за мной. Оставляя меня, голую, в коридоре. Я пытаюсь прислушаться к разговору, но ничего не слышно.

Дрожа от холода и пережитого страха, кутаюсь в изрезанную робу и бреду в сторону своей кельи.

Что происходит? Что он только что сделал?

Я захожу в свою крохотную промозглую комнатку с крошечным окном, больше похожим на бойницу и тут же заворачиваюсь в колючее шерстяное одеяло. Оно тонкое, и не слишком-то греет, но это лучше, чем ничего.

Несколько минут я пытаюсь прийти в себя, вспоминая все, что произошло.

А потом решаюсь осторожно потрогать место пореза.

Что-то теплое под моей кожей, словно крошечная металлическая монетка.

— Что это такое?

Ивар

Впервые в своей жизни я ощущаю это странное чувство. Сердце подпрыгивает куда-то к горлу и я почти задыхаюсь, услышав то, чего услышать совсем не ожидал. Это не может быть мое дитя, не может быть... Я не мог так ошибиться.

Если это правда, то я собственными руками... Нет. Нет. Нет.

— Что ты сказал? — говорю я, приближая свое лицо к очнувшемуся кровоеду.

— Твоя кровь, твоя дочь - это сладкое дитя.

Кровоед скалится и я вижу, как от его почерневшей кожи идет дым. Глаза его горят отблеском драконьего света и я чувствую в нем жалкую долю силы дракона. До чего же мерзкая тварь, так и хочется раздавить его, чтобы он перестал дышать со мной одним воздухом. Чтобы он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.